

Наталья Игнатова

Путь в Дамаск

Вампирский цикл

12+

Наталья Игнатова

Путь в Дамаск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57880263

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть из "вампирского" цикла. Совсем не обязательно благие намерения приводят к печальным последствиям. И не всегда хорошо быть родственником влиятельной и известной личности. Но всё же обычно благие намерения не доводят до добра, а влиятельные родственники как раз наоборот.

Содержание

Примечание:

В переносном смысле выражение «*Путь в Дамаск*» обозначает поворотный пункт, водораздел – событие, знаменующее уникальную или важную историческую перемену.

Окон в серверной не было, но были мониторы, позволяющие следить за всем, что происходит на улице возле «*Турецкой крепости*», в ее дворе и во внутренних помещениях. Мониторам этим в серверной тоже было не место – по внутреннему уставу изображение с камер выводилось на пост дежурного, а вовсе не в подвалы, где несли еженощную вахту два гения, выполнявшие обязанности системного администратора и программиста, но поскольку Хасан никогда не запрещал им просматривать видеозаписи, Заноза считал, что наблюдение за происходящим в «*Крепости*» и вокруг нее в реальном времени тоже не нарушает никаких правил. И, вообще, когда за порядком и безопасностью, кроме вахтенного Слуги присматривает еще и внимательный упырь, порядок становится куда безопаснее.

Тихо курлыкнул сигнал, сообщающий об открытии входной двери. Заноза бросил взгляд на монитор и не удержался от изумленного:

– Охренеть!

– Что? – тут же напрягся Арни, который терпеть не мог, когда что-то нарушало покой их мертвецки-тихого бункера.

Заноза и покой были несовместимы, но создаваемую им

движуху Арни приветствовал. А кто бы не приветствовал апгрейд компьютеров и всякого рода эксперименты по модернизации электроники, заполняющей «Крепость» от чердака до подземелий? Если отвечать на вопрос честно, то никто, кроме Арни в восторг от этого не приходил. Но, опять же, Хасан не запрещал, так ведь? А что не нельзя, то, по-любому не только можно, но и нужно.

Иное дело – беспокойство извне. Любой намек на вероятность полевой работы вводил Арни в то раздраженное состояние, когда без четких указаний не знаешь, чем заняться, и не понимаешь, что лучше – чтоб указания, наконец, поступили, или чтобы ничего не происходило и никуда не надо было ехать, бежать или стрелять.

Визитер, тем временем, вышел из поля зрения уличной камеры, чтобы тут же попасть под прицел камеры внутренней, следящей за холлом и постом дежурного.

Безоружный юный брюнет, одетый слишком хорошо для своего возраста. Как-то ненормально хорошо одетый. Ну, кто в семнадцать лет носит дорогие костюмы, галстуки и, мать твою, запонки? В смысле, кто это делает в двадцать первом веке в Лос-Анджелесе, штат Калифорния на планете Земля?

– Родственник Хасана, – сказал Заноза.

Арни изумился не меньше, чем он сам десять секунд назад:

– Чего?! Какой еще родственник?!

Вопрос был из тех, дурацких, с которыми Заноза не всегда знал, что делать. Определенно не риторический, но при этом и не подразумевающий исчерпывающего ответа. Заноза мог бы рассказать Арни о том, что паренек, разговаривающий сейчас с дежурным – не прямой потомок одного из старших братьев Хасана. самого старшего, Кумхура Намик-Карасара. В Турции в тридцатые была ужасная неразбериха с фамилиями, но Хасан и братья выбрали себе одинаковые – имя отца и название родного города. А вот их сестры взяли в качестве фамилии имя матери, и для нормального европейского мозга путаница началась уже на этом этапе, а за восемь десятилетний род успел изрядно разветвиться. Но мозг Занозы никогда не был вполне европейским, его порой и мозгом-то не стоило называть, и занявшись, просто из любопытства, изучением семейной истории своего Турка, он эту путаницу принял с энтузиазмом, которого заслуживала любая интересная задача. Чем дело сложнее – тем оно лучше, разве не так?

В общем, сегодня в «Турецкую крепость» явился Майкл Атли, младший из трех сыновей Дэвида и Камиллы Атли. Его старший брат Эйдан – средний из трех – обручился с некоей Берной Лал, и скоро должна была состояться свадьба. Но интереснее всего было не это, а то, что мисс Лал принадлежала к одной из ветвей семьи Хансияр, жены Хасана. Выяснив, что они хоть и не совсем родня, но и не вполне чужие, Эйдан и Берна загорелись вполне объяснимым желанием узнать историю клана, заразили остальных, и вот уже

полгода вся молодежь Атли и Лалов разыскивала родственников с азартом гончих, вставших на свежий кровавый след.

Свадьба из события для двоих страдальцев превратилась в повод восстановить утраченные связи. А Хасан, похоже, попал под удар. Странно было бы не попасть, когда носишь фамилию родоначальника...

Арни смотрел. С недоумением. И ожиданием.

– Дальний, – сказал Заноза. – Очень дальний родственник.

Ответ оказался удовлетворительным.

– Уилл, поднимись сюда, – распорядился селектор голосом Турка.

Записывающей аппаратуры у него в кабинете не было, туда люди и нелюди приходили с вопросами настолько деликатными, что о записи – хотя бы о гипотетической возможности таковой – и думать не стоило. Но селектор, понятно дело, был. Против него Хасан, при всем своем ретроградстве, не возражал. В его времена селекторы уже использовались.

Для Занозы, надо сказать, те времена были эпохой невиданного технического прогресса. Может, поэтому он и втянулся? Понесся дальше вместе со спятившим человечеством, все набирая и набирая скорость. Чем больше появлялось в мире удивительного, чем больше удивительного о мире выяснялось, тем большего ему хотелось. Гонка, которая не закончится никогда, в которой процесс важнее и интерес-

нее любого результата.

А Хасан предпочел остаться в сороковых, и его всё устраивало.

И, кстати, о возрасте...

Доступная для людей информация о Хасане включала Уильяма Сплиттера. Он был неотъемлемой частью любой информации о Хасане, доступной людям и нелюдям. И это правильно, иначе быть не могло. Но выглядел он так, будто в девяносто четвертом, когда они переехали в Алаатир, еще не родился.

Нелюдей это не беспокоило, а вот людям не стоило давать лишние поводы удивляться, поэтому дежурная коробка с гримом всегда лежала в ящике стола на тот случай, если придется встречаться с кем-нибудь по делам дневной смены.

Всего несколько мазков тональным кремом разных оттенков, *et voilà* – плюс пять лет возраста. На большее без специальных дайнов или иероглифов рассчитывать не приходится, но и пяти вполне достаточно, если вести себя как нормальный, а не как обычно.

Мухтар насторожил уши и задергал обрубком хвоста, а потом вскочил и устремился к двери. Заноза обычно выпускал собаку в холл и давал возможность попрыгать и порадоваться на просторе, только потом они вместе входили в кабинет. Сегодня же он ограничился тем, что похлопал Мухтара по лбу и потрепал за уши, а затем скомандовал: «platz!»

и пес послушно улегся на свое место.

– Ну, вот, – сказал Хасан, – это лорд Уильям. Можете отдать окунту¹ ему лично. Уилл, это мистер Атли. Он здесь по семейному делу.

Тут же выяснилось, что юный мистер Атли, совершенно не боявшийся собак, не очень подготовлен к встрече с английским лордом. Парень начал с того, что протянул Занозе руку и сообщил, что крайне рад знакомству. В ту же секунду – Хасан практически увидел, как в его памяти, будто в окошках «однорукого бандита» промелькнули все местные стереотипы об англичанах – Майкл Атли руку опустил, за чем-то извинился, взял со стола окунту и торопливо проговорил:

– Имею честь пригласить вас на свадьбу моего брата.

Перед тем, как Хасан включил селектор, младший Атли как раз пытался выяснить, уместно ли будет пытаться встретиться с лордом Уильямом, чтобы передать приглашение из рук в руки или правильнее сделать это через Хасана, как члена семьи. Турецкие традиции, английские традиции, европейские традиции, добавьте к ним американские, если такие, вообще, существуют, итогом получите полное замешательство. Атли еще неплохо держался. Воспитанный парень. И семья хорошая.

В английском семействе не стали бы утруждать себя дву-

¹ Окунту – турецкое традиционное символическое приглашение на свадьбу. Может быть чем угодно, от сладостей до сувениров.

мя персональными приглашениями, отправили бы одно на два имени. В голову бы никому не пришло, что двое живущих вместе мужчин – совсем не обязательно пара. Семейство же турецкое рассмотрело в первую очередь именно этот вариант. Что значит культура!

– Спасибо, – сказал Заноза.

Заглянул под крышку строгой бело-серебристой шкатулки, хмыкнул, обнаружив там серебряную сувенирную монетку с датой предстоящей свадьбы. Он словно бы и не заметил текста на вложенной в шкатулку открытке. Хасан не сомневался, что Заноза текст не только прочел, но и оценил все нюансы, начиная с возможности прийти со спутником и отсутствия дресс-кода и заканчивая упоминанием о том, что эта свадьба будет особенным и необычным семейным мероприятием.

Один взгляд на монетку, одна довольная улыбка:

– Мы придем, нэ-э? Давай, я прямо сейчас ответы напишу.

Вот кто вообще не беспокоился об этикете. Никогда. Заноза считал этикет своей собственностью и оставлял за собой право распоряжаться им, как заблагорассудится.

Юный мистер Атли улыбнулся и тут же нахмурился, чтоб улыбку не было видно. Он, кажется, одобрял такой подход к соблюдению традиций. В самом деле, зачем тянуть с ответом, если можно дать его прямо сейчас? В этих обстоятельствах достаточно было бы и устного согласия или отказа, но раз уж в шкатулках с окунту лежали специальные формы для

ответа, Заноза, разумеется, счел необходимым их заполнить. Обе. Своим великолепным, идеально-красивым и абсолютно нечитаемым почерком.

А потом, отложив перо, устался на Майкла гипнотическим взглядом:

– Фрисби бросать умеешь?

Мистер Атли, от такого обращения мгновенно превратившийся в Майкла, моргнул.

– Да.

– Пойдем, погуляем с собакой. Тут сквер недалеко.

Дорогой пиджак валялся на траве, галстук висел на ветке дерева. На галстук раскачивался бурундук, взбирающийся наверх всякий раз, как Мухтар проламывался сквозь кусты с фрисби в зубах, и снова спускавшийся на конец галстука, когда пёс уносился за брошенной тарелкой.

Пойти побросать собаке фрисби в ночи с малознакомым вооруженным англичанином – отличная идея! И пусть семь часов пополудни – это еще не ночь, но все остальные факторы в наличии: оружие, англичанин, непродолжительное знакомство.

Алаатир всех сводит с ума, и живых, и мертвых. И даже на местный воздух это не спишешь, мертвые-то не дышат. Бурундук, вон, тоже... зима, между прочим, зимой у них спячка. Но это же Алаатир. Кто тут, вообще, спит?

Бездомные спали. Раньше. Вот в этом самом сквере на

скамейках. Но восемь лет назад, когда Хасан с Занозой стали по вечерам выгуливать здесь Мухтара, бродяги предпочли поискать для отдыха более спокойное место. Никто их не обижал, наоборот, с большинством до сих пор поддерживали отношения: бездомные – народ не бесполезный. Но Мухтар – плохой сосед, если ты хочешь выспаться.

– Такой... классный! – выдохнул запыхавшийся Майкл. Он был в отличной форме, просто-таки идеальный семнадцатилетний американец, однако разыгравшийся пёс-призрак любого живого доконает. – Вы его вяжете?

И в собаках Майкл разбирался. В то, что Мухтар – чёрный русский терьер, не поверил. А в то, что тот из России поверил вполне. В России был еще тот бардак с породами.

Мухтар со своей стороны продемонстрировал чудеса послушания. Заноза давно уже знал, что это именно чудеса – за восемь лет, прошедшие со дня, когда он подарил Мухтара Турку, о том, что пес выдрессирован как цирковой, им говорили многие, и обычные собаководы, и профессиональные кинологи.

Заноза всем и всегда честно рассказывал про цыганскую магию.

Ему никто и никогда не верил.

– Вяжем. У нас очередь на щенков, но раз уж ты Хасану родственник...

Мухтар в очередной раз вернулся, с уже изрядно растрескавшейся фрисби. Врезался в Занозу, выплюнул тарелку,

сплясал танец радости.

Майкл подобрал фрисби, бросил снова, но она раскололась в полете и осыпалась на кусты пятью кусками бесполезной пластмассы. Что ж, недолгая, но славная жизнь лучше длинной и бессмысленной.

– Когда решишь завести собаку, выберешь щенка из ближайшего помёта. И, кстати, о родственниках, ты же не младший в семье, у тебя племянник есть, почему его не отправили с окунту?

– Да мы их, вообще, почтой рассылаем всем, до кого ехать дольше пары часов. Адресов-то... по всему миру. Даже в Китае родственники нашлись. Ну, ты в курсе.

Обмен сведениями, полученными в ходе исследования истории семьи, был формальным предлогом для того, чтоб вытащить Майкла на прогулку. Заноза начал раньше и искать умел лучше, так что ему было чем поделиться. Но и Майкл приятно удивил.

Он тоже умел искать.

– И ты приехал сам потому что?..

– Подумал, что в ноябре неплохо было бы провести пару дней в Калифорнии. У нас уже снег лег.

Майкл встретил взгляд Занозы и отвел глаза. Нет, тут дайны были не нужны. С живыми они почти никогда не нужны.

– Хотел познакомиться с мистером Намик-Карасаром. Из-за «Турецкой крепости».

Заноза не понял, что такого особенного в «Турецкой кре-

пости». В смысле, с точки зрения человека. Живого, нормального, очень далекого от всего сверхъестественного. И имел неосторожность задать наводящий вопрос. Ох-хо... всегда приятно в разговоре вывести собеседника на тему, которая ему интересна, и в которой он разбирается – можно слушать и помалкивать, а если повезет, еще и узнаешь что-нибудь новенькое. Но как не ожидаешь от семнадцатилетнего юнца, что он будет носить запонки, так же не ждешь от него столь искренней увлеченности темой охраны граждан и правопорядка в родной стране и далеко за ее пределами.

Надо ли говорить, что родиной Майкл считал отнюдь не Турцию?

* * *

На протяжении шестидесяти лет посмертия Хасан избегал контактов с живыми, кроме самых необходимых. Это было удобно, безопасно, позволяло избегать лишних вопросов и неловких ситуаций. Но в середине девяностых он выпустил из бутылки общительного джинна с чрезвычайно высоким уровнем социальной адаптации.

Заноза утверждал, что он не джинн из бутылки, а мертвец из склепа, но «коммуникабельный и социально-адаптированный мертвец из склепа» – звучало слишком мрачно даже для Хасана. Иное дело бутылочный джинн пятидесятилетней выдержки.

Освобождение джиннов всегда приводит к серьезным из-

менениям в привычном образе жизни, а зачастую меняет и мировоззрение, об этом гласят легенды, об этом предупреждал Омар, ратун, наставник и мудрец, и это полностью подтвердил Заноза. Он ворвался в мир живых и потащил за собой Хасана, не спрашивая ни разрешения, ни согласия.

Если б спросил, не получил бы ни того, ни другого. Но не так уж оказалось и плохо обзавестись человеческой личностью и становиться иногда живым. Быть воплощением справедливости и смерти пусть и не сложно, когда привыкнешь, но, все же, приедается. Выходы в свет, к людям, которые не боятся тебя, не пытаются задобрить или убить, ничем не выделяют среди других людей – неплохой отдых.

Несколько часов с книгой – куда лучший способ отдохнуть, но поди, объясни это Занозе, которому позарез нужна компания на очередное светское мероприятие.

Аврора, тоже сторонница активной общественной жизни, утверждала, что современная медицина позволяет вампирам существовать среди людей, не вызывая никаких подозрений. Вечная молодость? Долгожительство? Безупречное здоровье? Всё достижимо, были бы деньги. И, так же как Заноза, Аврора всегда была полна идей о том, как насыщенно и с пользой провести свободное время. Времени не хватало: современная медицина всё ещё не давала возможности находиться в нескольких местах одновременно, поэтому идеи не иссякали, наоборот, накапливались и, кажется, размножались каким-то естественным для идей образом. Самоза-

рождались от контактов друг с другом в одной голове. Идеи Авроры хотя бы не включали в себя походы в сомнительные заведения с чудовищной музыкой, драки, перестрелки или истребление себе подобных. Однако по причинам, которые хотелось бы считать необъяснимыми, отказывать ей Хасан умел, отказывать же Занозе не получалось, как ни старайся.

Так что в лице Занозы Аврора нашла единомышленника и хорошо еще, что не инструмент воздействия. Попытайся она использовать мальчика в своих целях, и отношения – в зависимости от степени серьезности проступка – могли сильно охладеть, прекратиться или прекратить существование самой Авроры.

Заноза уверял, что эта блондинка, лишенная сердца (в буквальном смысле), и наделенная нечеловеческими мозгами, ни за что не совершит ошибки, и поэтому всегда будет получать максимум пользы от хорошего к ней отношения. Занозе Аврора очень нравилась. Он считал ее чудесной сложной машиной и намеревался поддерживать установившееся между ней и Хасаном взаимопонимание до тех пор, пока ледяная красавица не растает и не превратится в обычного вампира.

Аврора, увы, постепенно таяла. Ничего не поделаешь. Чтобы устоять перед чарами Занозы, недостаточно быть машиной; никакой, самый рациональный разум не защитит от искреннего обаяния, а отсутствие сердца не спасет от возрождающейся способности испытывать эмоции. За послед-

нее такие как Аврора готовы были отдать всё – и сердце, и разум, и даже свободу. Заноза в это до сих пор не верил, а, стало быть, не понимал, что сам разрушает то, что ему так нравится. Ну, и хорошо. Потому что понимание ничего не изменило бы. Заноза не может не очаровывать, а Аврора не может не поддаваться чарам, от этого в их взаимоотношениях царит полная гармония, а до неизбежного разрушительного финала еще слишком далеко, чтобы о нем беспокоиться.

К тому же Аврору, которая перестанет быть ледяным компьютером, Заноза может полюбить еще сильнее, чем нынешнюю.

Словом, человеческая жизнь, пусть и в половину не такая насыщенная, как у Авроры или Занозы, стала неотъемлемой частью существования Хасана. Неотъемлемой и отнюдь не самой неприятной. А выход семейства Атли на контакт оказался тем закономерным следствием, которого Хасан не ожидал, но к которому успел подготовиться. Заноза-то за его семьей – за всеми ветвями раскидистого семейного древа – следил куда тщательнее, чем он сам; был в курсе основных событий, и о том, что Атли разыскивают родственников, всех, включая самых отдаленных, предупредил заранее.

А вот к визиту Майкла они готовы не были. Кто мог предположить, что в династии висконсинских Атли вырастет парень, мечтающий служить в ФБР? Мужчины этой ветви семьи даже под призыв первой очереди не попадали, относи-

лись ко второй категории годности к службе, будучи «заняты в военной промышленности».

– Они в ней заняты примерно, как я, – прокомментировал Заноза. – Только... более легально. В основном. Мы даже общаемся время от времени по разным вопросам. Ясное дело, они там понятия не имеют, кто я и что я. Ну и считается, что я про них тоже не знаю.

Он бы и не знал, если б не был собой – крайне любопытным и дотошным гением, углубившимся в раскопки чужой семейной истории.

А бизнес висконсинских Атли стал еще одной причиной визита Майкла в Алаатир. Его отец однажды допустил обмолвку, из которой стало ясно, что он слышал о «Турецкой крепости».

– Упомянул про кавказскую кровь, – так передал обмолвку Заноза со слов Майкла, – мол, кавказские Намик-Карасары, начиная с твоего сына, все – благородные разбойники. Конь, бурка, килич² и незаконные методы защиты угнетенных. Для Майкла последнее – как удар бойком по капсулю.

– Незаконные методы? – Хасана ошарашила кавказская кровь, но не настолько, чтобы проигнорировать обвинение в нарушении законов.

– Защита угнетенных! Не, ну, сабли он тоже любит, если что.

Некоторое время Хасан размышлял, спрашивать насчет

² Килич – турецкая сабля.

крови или подождать, пока Заноза расскажет сам. Не зря же он провел с Майклом почти всю ночь, наверняка выяснял такие подробности о семейном расследовании, каких не нашел бы сам. Не нашел бы уже потому, что не додумался бы искать кавказские корни. А если Заноза что-то узнал, он этим рано или поздно поделится. Вопрос лишь в том, когда именно.

Заноза же призадумался, стоя перед телевизором – перед безразмерной плазменной панелью, которую он называл телевизором, а Хасан – разрушающим психику шайтан-устройством. Сегодня даже звук был выключен, и мельтешение людей, слов и чисел на поделенном на множество секторов экране не несло вообще никакой информации.

– Почему Кавказ?

– Дискриминация? – мурлыкнул Заноза, разворачиваясь к нему. – По национальному признаку?

– По национальному признаку я дискриминирую только англичан. Они сами напрашиваются. Так что с Кавказом?

– Сын у тебя остался на Кавказе, прикинь? Ты ж там вовел. Фронтной роман, прекрасная юная черкешенка, всё как в кино, только ты на ней женился. Ну, типа, взял второй женой. В смысле, первой – тебе пятнадцать было, с Ханси-яр-ханум вы тогда еще даже не познакомились. Но мог бы и второй, ты же турок.

Хасан уже довольно смутно помнил войны, в которых довелось участвовать при жизни. Много их было. А действия Османской империи на Кавказе оставляли желать лучшего,

так что вспоминать о них совсем не хотелось. Но жену он не забыл бы, особенно прекрасную и юную. Особенно черкешенку. Учитывая, что воевал-то в Грузии.

– Почему же я не увез ее в Карасар?

– Так она православная!

– Черкешенка?

– Ты вот... – Заноза досадливо дернул плечом, – на взлете сбиваешь. Турки крадут в гаремы черкешенок, это всем известно.

Разумеется. Это всем было известно в те времена, когда Заноза еще учился в школе. За двадцать лет до начала Первой мировой.

– Ладно, так почему же я не украл ее в гарем?

– Потому что она была грузинка. Из Батуми или Ардагана. Не воевал ты в Адыгее, негде тебе было черкешенку взять. А грузинку ее зашоренная православная семья в гарем не отпустила. Но когда понадобилось, ты помог им бежать от большевиков и, в конце концов, они все оказались в Англии.

– Почему не в Германии?

– Может, потому, что ты предугадал крушение Веймарской республики и решил не отправлять их в страну с кризисной экономикой? Правда, отправить туда Намика и Сабах³ тебе это не помешало. Я подумаю. Должна быть какая-то причина, по которой ты или они выбрали Англию. Майкл-то с другой стороны заходил. Он выяснил, чем ты занимался во

³ Намик и Сабах – сыновья Хасана (см. «Осман»).

Вторую мировую...

Это было посильнее кавказской крови. У Хасана, видимо, что-то такое отразилось на лице, потому что Заноза заулыбался во всю пасть и поднял руки:

– Не-не-не, не то, чем ты на самом деле занимался. Майкл узнал из косвенных данных, что ты был участником германского Сопротивления. Но поскольку с «Красной капеллой» ты никак не связан, с кем ты мог сотрудничать, кроме Британии? То есть, не ты конечно, а твой сын, которого Атли считают твоим дедом. Раз его курировали британские власти, значит, он и учился, скорее всего, в Англии. Да и вернулся после войны в Лондон, а не в Берлин и не в Тбилиси. Почему? Потому что Англию считал своей настоящей родиной...

Заноза снова задумался. Извлек из-под комиксов на столике сигареты в измятой пачке и закурил, по-прежнему не отрывая взгляда от Хасана.

– Все довольно причудливо смешивается, знаешь? Если бы отец Майкла не упомянул в связи с тобой о «Турецкой крепости», как о не вполне понятном явлении, Майкл не вернулся бы к тому немногому, что можно выяснить о твоей войне в сороковые. Он ведь отмахнулся от этой информации, когда в первый раз сумел до нее добраться. Потому что источники не заслуживали никакого доверия. Чтобы пользоваться ими, нужно уметь очень хорошо различать правду и вымысел, нужен большой опыт или хорошая интуиция. Майклу всего семнадцать, опыта у него пока немного, но он спра-

вился. Он хорошая ищайка, Хасан. Просто отличная, если поднатаскать.

Хасан отметил про себя это отступление от темы. Заноза, с его потребностью делиться знаниями, мог рассказать что угодно о чем угодно любому, кто готов слушать, но говорил всегда по делу. И сейчас речь шла о легенде, которую семья Атли придумала для семьи Намик-Карасар, а не о способностях Майкла Атли собирать сведения о родственниках. Однако зачем-то Заноза упомянул, что парень хорош в поиске информации. Даже, пожалуй, назвал его талантливым. Он ведь явно дал понять, что у Майкла есть интуиция, шестое чувство, нечто, отличающее его от других.

– С головой у него порядок, – продолжал Заноза, – и во всякую необъяснимую хреноту про живых мертвецов, про связь с духами и разное другое упырьство он не поверил. Зато поверил, что твой дед командовал в Германии отрядом людей с паранормальными способностями; и в то, что эти способности каким-то образом были инициированы в нацистских лабораториях. У него выбора не было, он не умеет, как я, думать, что если чего-то не может быть, то этого и нет. Он думает, что если что-то есть, то оно должно как-то быть. Вампиры и мистика – явный перебор. Стимуляция клеток мозга и желёз внутренней секреции для активации скрытых возможностей организма – приемлемо. Майкл решил, что костяк первой «Турецкой крепости» сформировался из тех самых людей, и что нынешние твой бойцы – их потомки. А

ты – достойный внук своего деда. Думаю, ты огорчишься, когда узнаешь, как хорошо ложатся на эту легенду все слухи, которые про тебя ходят. Мне особенно нравится то, что я ни при чем. Слухи начали ходить еще до того, как ты меня нашел. В те времена не было глобальной информационной помойки, на которой они все оседали бы придонными слоями, поэтому их куда сложнее было найти и почти невозможно проверить. Зато сейчас достаточно минимальной фантазии, вот столечко... – Заноза свел указательный и большой пальцы, показывая, как немного нужно фантазии, – чтоб смертные поняли: что-то не так и с тобой, и с «Крепостью».

Он сунул окурок в пепельницу и изобразил печальный вздох:

– Только вот, прикинь, у людей нет даже столько фантазии. Ни у кого. И Майкл ни во что сверхъестественное так и не поверил. А ведь он раскопал много баек. Например, о Филиппинах.

При детях недопустимы нецензурные выражения, поэтому Хасан сдержался. Выждал несколько секунд и лишь потом спросил:

– И что же Майкл *раскопал* про Филиппины?

– Он уверен, что это бойцы «Крепости» уничтожили там исламистские гнезда. А знаешь, почему он в этом уверен?

Потому что всё было сделано за одну ночь. Раз уж речь зашла о необъяснимых явлениях, и о том, что Майкл максимально близко для здравомыслящего человека подошел к

границе принятия сверхъестественного.

– Очень быстро мы там управились. Пришли и всех убили. Разом.

Прийти и всех убить было не так сложно, как выдержать очередное сражение с семнадцатилеткой, убежденным, что ему самое место в бою с радикальными исламистами. Всякий раз, отказываясь брать Занозу с собой в рейды, Хасан думал, что уж в этот-то раз получится. И всякий раз Заноза отправлялся с ним. События на Балканах показали, что лучше так, чем уезжать тайком, оставляя предприимчивому бритту свободу действий, однако Хасан не собирался втягивать Занозу в человекоубийство. Мальчик безгрешен и чист, как в семнадцать лет и положено, незачем отягощать его душу поступками, которым нет оправданий. Да и свою тоже лучше побережь. Одно дело отвечать перед Аллахом за себя, совсем другое – за ребенка, которого ты вынудил грешить. А уж перед самим собой за такое и вовсе не оправдаться.

В общем, о поездке на Филиппины с Занозой речи не шло. Потом оказалось, что речи не идет о том, чтобы Заноза участвовал непосредственно в рейдах. Потом выяснилось, что участие в рейдах все же подразумевается, но только в качестве прикрытия для Хасана на тот случай, если ситуация слишком обострится.

На этом этапе Хасан спохватился, справился с желанием замотать Занозу в плед и заткнуть ему пасть, чтоб не видеть и не слышать, и прибегнул к непедagogичным и демагогиче-

ским приемам.

Которые не сработали.

Ну, а на Филиппинах ситуация слишком обострилась. Во-евать пришлось не столько с людьми, сколько с духами, охранявшими заложников. У духов был свой интерес – заложники предназначались им в жертву, и слова Занозы о том, что пара стволов и сабля, если что-то пойдет не так, точно не будут лишними, оказались пророческими. Все пошло настолько не так что в качестве «пары стволов» ему пришлось использовать скорострельные гранатометы. Хорошо еще, что «Турецкая крепость» тщательно прорабатывала любые операции, даже те, что казались самыми простыми, и вмешательство духов не стало неожиданностью.

Какие из филиппинских событий известны Майклу, не хотелось даже думать. Во что Майкл поверил, вот в чем вопрос?

– Мы уничтожили террористов и освободили заложников, – Заноза сделал невинное лицо, – так это выглядит без подробностей. А с подробностями получается, что мы сделали что-то... нечто... появлялись пред очи заложников в ночи, в полной тишине, говорили, что они свободны, отправляли с ними провожатого, чтоб вывел в ближайшую деревню, где есть полицейский участок. И всё это – среди ведьминых огней, колдовских мантр и гор трупов.

Не было там колдовских мантр. Огни были – исламисты, сдавшиеся, бросившие оружие, сгорели живьем, и хорошо

еще, что быстро. Трупы тоже были. Но не горы.

Или горы?

Четыреста человек за одну ночь. Не зря Хасан не хотел брать Занозу с собой на Филиппины. Но если бы не взял, дела могли пойти очень скверно. А ведь изначальный план подразумевал убийство командиров и запугивание рядовых бойцов, с тем, чтоб они могли сдаться регулярным войскам. Филиппинские исламисты не отличались особым рвением в бою – лишившись командования, в плен сдавались чаще, чем подрывали на себе пояса смертников. Так случилось бы и в этот раз, если бы не вмешались духи.

– Двадцать лагерей. В каждом в среднем по двадцать убитых. Это не горы трупов.

– Будь их четыреста в одном месте, рейд не выглядел бы сверхъестественным, – резонно возразил Заноза. – Что особенного в том, чтобы накрыть один лагерь одним ударом одной боевой группы? Для Майкла, правда, и это было бы чересчур. Но не из-за тактики, а из-за количества убитых. А тактически в этом случае придаться не к чему.

Он озадаченно покачал головой:

– Хасан, двадцать трупов – это гора. Почему ты так не думаешь, я понимаю, но почему я так не думаю?

Потому что прошел Вторую мировую. Ответ на поверхности. Но Заноза, конечно, говорил не о личной оценке количества убитых, он говорил о том, что не сразу смог переключиться на точку зрения заложников, ставших свидетеля-

ми бойни. Или на точку зрения Майкла. Или большинства современных молодых людей.

А это означало, что рейд на Филиппины ничего в нем не испортил и не сломал. Заноза считал, что они все сделали правильно. Так и было. Они все сделали бы правильно, даже если бы сами убили всех исламистов, но до этого не дошло. Им пришлось воевать с духами, а террористов уничтожили ифриты, когда поняли, что заключенный с «Турецкой крепостью» контракт подразумевал не массовое убийство боевиков, а всего лишь освобождение заложников, предназначенных в жертву местным духам.

Будь ифриты подальновиднее, они бы более внимательно отнеслись к контракту на стадии его заключения, а так часть работы им пришлось проделать самим. Впрочем, они были не в претензии.

А «Турецкая крепость» взялась бы и за полную зачистку лагерей, если б ифриты додумались конкретизировать этот пункт договора.

– Ну, да... – пробормотал Заноза, – можно убить и четырехста человек.

– Вон из моей головы, – отозвался Хасан.

Разговор перед рейдом, после того, как Заноза отстоял свое право лететь на Филиппины, он отлично помнил. Помнил, как сказал, что можно убить и четырехста человек. А когда Заноза, в свойственной ему эмоциональной манере, возразил, что это очень много, удивился:

– Так не за один же раз.

Не знал еще, что им придется уложиться за ночь, но дело было не в этом.

В ответ он получил *взгляд*, которым Заноза удостаивал, когда слышал что-то неприемлемое, а то и вовсе невозможное. Не часто такое случалось, но *взгляд* Хасан знал хорошо. Очень уж он был выразительным.

– Я не про тактику, – сказал тогда Заноза. – Черт, почему я за это вот... за это безумие люблю тебя еще больше?

Это было одной из самых главных причин не брать его в рейд. То, что для Занозы количество убитых людей не сводилось к тактике. До сих пор. И если бы любовь нуждалась в объяснениях, Хасан мог бы сказать, что это одна из причин, по которой он любит бешеного британского подкидыша.

– А о том, что случилось с президентом, Майкл знает? – поинтересовался он, готовый к худшему. Проблему с филиппинским президентом удалось решить очень тихо и очень быстро, но он только что выслушал целую речь о необыкновенных поисковых способностях Майкла Атли.

– Только официальную версию. Там «Крепость» не засветилась. Но ты уже понимаешь, к чему я, да? Майкл со средней школы работает над тем, чтоб стать агентом ФБР. Расписал ближайшее будущее по пунктам: армия, колледж, академия в Кус-Бей. Семья его не сказать, чтобы в восторге от того, что он собрался в армию, но мешать не будут. Типа, знаешь, каждый расстается с идеалами в свое время, и нет

смысла торопить события.

– Иншалла, – отозвался Хасан без особого, впрочем, чувства. – Если Майкл такой сообразительный, как ты говоришь, он перестал идеализировать ФБР еще в средней школе.

– Ты улавливаешь. Его родители этого пока не поняли, родители никогда не понимают, что у них дети выросли. А Майкл не думает даже, что сможет изнутри изменить ситуацию к лучшему. Но ему восемнадцать, и он продолжает считать, что, став агентом, принесет максимум пользы стране и людям.

И с этим своим желанием приносить пользу, с этой своей верой в то, что польза окажется кому-то нужна, парень нашел «Турецкую крепость». Которая, как ему видится, выполняет ту же работу, что и ФБР – защищает людей и законы, но не замечена при этом ни в ангажированности, ни в коррупции, ни в подтасовке фактов, ни, кстати, в предвзятости в отношении мусульман. Какие из Атли мусульмане, это конечно, вопрос, вероятнее всего – никакие, но они считают себя мусульманами. Заноза сказал бы, что это одно и то же.

– «Крепость» – это семейный бизнес, семейный характер, где к турецкому военному искусству добавилась кавказская вольность и горские представления о чести и справедливости, – Заноза цитировал Майкла, и это должно было звучать смешно и пафосно, но почему-то получилось неплохо. Далеко от истины, но... если исключить Кавказ, может, и бли-

же, чем казалось на первый взгляд. – И не забывай о свободе действий

– У всех наемников есть свобода действий, для того они и нужны.

– Вы – не «все наемники».

Это так. Без всяких натяжек и исключений. Когда официальные структуры не хотели сами пачкать руки, они обращались за помощью к наемникам. А в «Турецкую крепость» они шли, когда проблемы не решались ни деньгами, ни оружием, ни кровью. Когда проблемы не решались человеческими способами.

– Он сказал, чего хочет?

– Мне-то? Ну, конечно! Или что ты имеешь в виду? Сказал ли он, что хочет делать? Да всё то же: армия, колледж, Кус-Бей, служба в ФБР. Он хочет научиться всему, что может оказаться полезным «Крепости». У тебя нет ни одного бывшего агента, у всех твоих бойцов за плечами только армейская служба и какой-нибудь бакалавриат, Майкл надеется, что его опыт, когда у него будет хоть какой-то опыт, заменит отсутствие паранормальных способностей.

– То есть, на родственные чувства он не рассчитывает?

– А у тебя они есть?

Заноза с ногами забрался на диван, заглянул Хасану в лицо.

Мухтар, оживившись, сунулся к нему, лизнул в ухо. Заноза обнял пса за шею, усадил, и теперь на Хасана смотрели

уже две заинтересованных физиономии. Мухтар, сидящий на полу, ростом был вровень с Занозой, сидящим на диване. Обоих это устраивало.

– Очевидно, что у меня они есть, – сказал Хасан.

От ответной улыбки в гостиной даже слегка посветлело. Заноза молча ткнул собаку кулаком в бок, слышал, мол? Это он про нас с тобой. Мухтар положил голову Хасану на колено и замер, прикрыв глаза.

Родственных чувств к Майклу Атли Хасан не испытывал. Равно как и к своим внукам и правнукам. Не потому, что в полной мере стал мертвецом и потерял остатки человечности, а потому, что понял однажды, как далек от него мир, в котором жили самые, казалось бы, близкие люди. Осознание этого – дело давнее – было болезненным и выбило из колеи настолько, что он едва не утратил связи с реальностью. Но один белобрысый английский охламон, разносчик бешенства с подведенными черной тушью глазами, вернул его обратно в мир с необыкновенной легкостью. А сам словно и не понял, что сделал. Может быть, действительно, не понял. Он-то себя никогда не считал реальным.

* * *

В «Крепости» до сих пор не было ни бывших полицейских, ни бывших агентов ФБР, вообще никого из специалистов такого рода. Команда, сформировавшаяся в сороковые, развивалась, училась, оттачивала самые разные навыки, и

каждый в ней стоил десятка специальных агентов, но почему бы не включить в состав дневной смены одного настоящего профессионала? Если Майкл с годами не изменит решения, он не будет лишним.

Нельзя сказать, чтобы родственные чувства не играли никакой роли. Хасан их не испытывал, но это не отменяло того факта, что Майкл не чужой. Заноза считал его не чужим. Он уже не упустит парня из виду, больше того, возьмется учить тонкостям поисковой работы и этому... как же оно называется? профайлер? в общем, лезть в головы незнакомых людей и предсказывать их действия или восстанавливать события с их участием тоже научит. В «Крепости» пригодится хорошо обученный выпускник Кус-Бей с опытом армейской службы, которому, к тому же, можно будет доверить часть хлопот ночной смены, раз он все равно почти вплотную подошел к особенностям их работы и тонкостям выполнения задач.

Хасан знал, что планы современных школьников меняются по обстоятельствам, не оказавшим бы ни малейшего влияния на планы их ровесников из прежних времен. Знал, что даже кажущийся проторенным путь для отпрыска хорошей семьи: колледж, университет, работа в семейном бизнесе, может увести в такие дебри, откуда дальше только тюрьма или могила, что уж говорить о замыслах лихих и отважных, вроде службы в армии и ФБР. Он бы выбросил Майкла из головы на ближайшие несколько лет, но приближались сва-

дебные торжества, и Заноза в связи с этим развил бурную деятельность по изучению списка гостей – пятьсот шестьдесят восемь человек, не считая детей – и процеживанию сведений о них через фильтры полезности, бесполезности и безвредности. Тема семейных отношений и общественных обязанностей всплывала каждую ночь в свободное от работы время, и Майкл обычно был на первых полосах.

Как Хасан и предполагал, Заноза сразу начал учить его чему-то, касающемуся наблюдения за людьми. Неким основополагающим началам, которые, как водится, познаются лишь с опытом или с хорошим наставником.

Или с Занозой, который даже не думает ни о каких наставлениях, просто умеет объяснять и под завязку набит интересными историями, иллюстрирующими любой из пунктов его несуществующей учебной программы.

* * *

Турок не был сторонником традиций, скорее наоборот. В конце концов, он поддержал Кемаля, когда тот еще не стал Ататюрком, выступил против многовекового уклада Османской Порты, был среди тех, кто превратил Турцию из теократии в светское государство. Это, правда, положило начало новой традиции, по которой именно военные перевороты стали способом поддержания в Турции гражданских свобод и демократических ценностей, но, опять же, сам-то Хасан в последующих переворотах не участвовал, лишь присматри-

вал за тем, чтобы в беспорядках не пострадала семья, а значит и традицию не поддерживал. Зато он был «немного консервативен» – о, Заноза обожал эту формулировку, потому что сам не знал, есть ли в ней сарказм – не признавал цифровых технологий, не одобрял телевидения и предпочитал костюмы, пошитые в стилистике сороковых. Он, к слову, еще и не носил ничего, кроме костюмов, но это не от консерватизма, а потому, что с самого детства привык к уставной форме одежды. Как в десять лет в свою тевтонскую военную школу уехал, так до сих пор в армии. Это любые мозги искалечит, и хорошо, что в случае Турка обошлось всего лишь однообразными предпочтениями в одежде. Костюмы ему, надо сказать, чертовски шли, хотя, Заноза бы совсем не возражал, если б мистер Намик-Карасар хоть иногда надевал, например, джинсы. Просто интересно было посмотреть.

Мистер Намик-Карасар... Нет. За именем стоял образ, делавший джинсы решительно невозможными. Только костюмы, маскирующие наплечные кобуры, только пальто, под которым удобно носить саблю, только неброская элегантность сороковых, делавшая Хасана неотразимым. Для женщин. В основном. Ну, то есть, надо понимать, что Лондон и Лос-Анджелес, хоть и лучшие города на Земле, однако имеют свои особенности. Но все равно, в основном – для женщин.

Именно об этом Заноза подумал в первую очередь, когда Хасан предположил, что на свадьбу Эйдана Атли он возьмет с собой Мартина.

Мартин – «доктор Фальконе» в турецкой формулировке, – уже четыре года жил в Юнгбладтире (а еще в Доузе, в своей Москве, на Кариане, на Тарвуде и в Ифэрэнн), и ни в чем себе не отказывал. То есть, вообще ни в чем. Он стал воплощением лучшего, что есть в современном изобразительном искусстве, получил известность как архитектор, дизайнер, художник – это уж само собой; был представлен ко двору Его Величества Ричарда IV, а следом и остальных европейских монархов.

Хасан называл Мартина доктором из-за степени по юриспруденции, полученной в Москве, в другом мире, по правилам российской науки, которые и здесь-то ни на что не походили, а уж в параллельной вселенной должны были быть и вовсе нечеловеческими. Степень доктора четыре года назад полученная Мартином в АИС⁴, самой влиятельной школе искусств в стране, не имела для Турка ни малейшего значения. Для Мартина, что обидно, тоже. Да и пусть их. Все равно прийти на свадьбу с доктором Фальконе стало бы лучшим подарком и гостям, и молодоженам. Хасан примерно это и имел в виду. А еще то, что в компании Мартина Занозе будет интереснее.

Они были слишком разные, чтобы сравнивать, и Заноза не сравнивал. И они были слишком разные, чтобы сойтись ближе, чем сейчас. Тысяча семьсот сорок миль – самое подходящее расстояние, сокращать его не хотели ни Мартин, ни

⁴ Art Institute of Chicago – Институт искусств Чикаго.

Хасан, ни даже Заноза, хоть ему и приходилось теперь жить на два дома. Когда тысячу семьсот сорок миль преодолеваешь за шесть секунд, необходимых на открытие портала из «Февральской луны» в особняк в Юнгбладтире, что два дома, что один – невелика разница.

В общем, позвать Мартина на свадьбу было отличной мыслью. Но Хасан, как выяснилось, вовсе не собирался брать с собой мисс Виай. Когда Заноза спросил о ней, Турок лишь поднял бровь:

– Предлагаешь привести туда вампира?

Они были втроем. Два упыря и собака. Собака на свадьбу не собиралась, но они двое уже дали официальное согласие, поэтому вопрос прозвучал... как-то странно.

Хасан тоже это понял. Пару секунд они с Занозой смотрели друг на друга, потом оба решили тему не развивать.

– Из стада кого-нибудь не хочешь позвать? – поинтересовался Заноза дипломатично.

– Нет, – лаконично и предсказуемо ответил Турок.

В таком случае, прийти на свадьбу с Мартином означало сделать Хасана мишенью для всех незамужних дальних родственников, каковых на свадьбе ожидалось двадцать четыре, из них двадцать три – в сопровождении матушек. Заноза, если верить Турку, не слишком разбирался в незамужних юных леди, но уж о матушках он знал всё. Предостережения насчет охотниц за титулами и деньгами сопровождали его с четырнадцати лет, с того времени, как погиб отец. Из этих

предостережений следовало, что если потенциальным невестам, по крайней мере, на первых порах, могло не хватать коварства и изощренности, чтобы заманивать женихов в свои тенета, то уж их матери-то были щедро наделены и тем, и другим, и чуть ли не с рождения дочерей оттачивали охотничьи навыки, чтоб довести их до совершенства к моменту выхода дочек в свет.

Сестра над этим смеялась. Она вышла замуж по любви, и тот факт, что у мужа не было ни денег, ни титула, совершенно не беспокоил ни ее, ни, кстати, матушку. Заноза, наверное, только благодаря сестриным насмешкам над материнскими опасениями, до самой смерти и сохранил иллюзии относительно женщин. И после смерти тоже. Хасан, вон, сколько лет уже пытается его убедить, что не все женщины – принцессы. Не все, конечно. Ну, и что? Всё равно все. Они же все особенные.

Сейчас, припомнив материнские наставления и собственный опыт светской жизни... то есть, при жизни-то никакой светской жизни как раз и не было, не дорос... припомнив богатый опыт светского посмертия, Заноза встревожился за Турка так же, как, наверное, матушка тревожилась за него самого. Есть разница между тем, чтобы, имея репутацию убежденного холостяка, выходить в свет с мисс Виай, и тем, чтобы с репутацией убежденного холостяка в одиночку появиться на свадьбе, где все только об этом и думают.

Добавить сюда же пункт о неотразимости Турка в костю-

ме, хотя бы даже и без пистолетов и сабли, и выходит, что идти туда с Мартином никак нельзя.

– Если я приду с Мартином, я испорчу тебе репутацию.

Попытка быть тактичным, да. Заноза это умел. Пытаться – умел. Во всяком случае, не уставал пробовать. Не говорить же открытым текстом: чувак, ты, конечно, взрослый, умный и умеешь обращаться с женщинами, но ты никогда не был объектом охоты. Ты – хищник, и даже близко не представляешь, что такое быть жертвой. Поэтому тебя надо любым способом вывести из сферы матримониальных интересов.

– А если ты придешь без Мартина, – с веселым любопытством уточнил Хасан, – ты мне репутацию не испортишь?

Положа руку на сердце, ну куда ее ещё было портить?

– У меня есть планы на некоторых гостей, – напомнил Заноза. – А если ты будешь один, тебе вздохнуть не дадут, не то, что хотя бы парой слов перекинуться с теми, с кем стоило бы свести знакомство. И ведь ты не дышишь. Если б дышал, вообще бы живым оттуда не вышел. Нет, даже хуже. Если б ты дышал, ты б не вышел оттуда неженатым.

– Ты демонизируешь...

– Кого? Матерей со взрослыми детьми? Да нифига подобного! У вас там до сих пор женят по сговору, а у тебя даже мамы нет, чтоб твои интересы защищать.

Сохранить серьезность Турку не удалось. Он старался, но ничего не вышло. И надо было бы разозлиться, но Хасан так редко смеялся, что Заноза даже почувствовал себя польщен-

НЫМ.

Ясное дело, он не думал, что с его Турком справятся мамочки, сколько бы их ни было, и какими бы они ни были демоническими. Но одолеть, достать, задолбать, не дать прохода они могли, и именно этим занимались бы весь вечер и, что гораздо хуже – еще несколько следующих лет. Современные коммуникации – это добро, в котором таится ужасное зло. Дочки, кстати, тоже в стороне бы не остались. Раньше, когда браки и впрямь заключались по сговору между матерями, дети хотя бы не проявляли активности, но времена изменились, и предприимчивые турки присовокупили новые традиции к старым. Турецкие девушки давно не прятались от мира на женской половине дома, турецкие парни давно не полагались на матерей в поисках невесты, но турецкие матушки по-прежнему активно устраивали браки отпрыскам обоих полов. А большинство гостей на свадьбу ждали именно из Турции. Семью хоть и разметало по миру, основная ее часть осталась на родине.

– Ладно, – сказал Хасан, – хорошо. Значит, каждый из нас приведет на свадьбу вампира.

ГЛАВА 2

Шестьсот пятьдесят восемь взрослых гостей было для турецкой свадьбы не так и много. Традиции велели приглашать не только родню, но и всех соседей, торжества продолжались три дня и три ночи, а размах зависел исключительно от фи-

нансовых возможностей семьи жениха.

Атли решили ограничиться родственниками и самыми близкими друзьями, благо родственников набралось столько, сколько в ином городке не наберется соседей. К традициям они тоже отнеслись без особого пиетета. Традиции, впрочем, и в Турции давно уже не соблюдались, разве что где-нибудь в глуши свадьбы проводились с соблюдением всех сложных правил. И вот там-то, кстати, неженатые мужчины и незамужние женщины подвергались реальной угрозе стать жертвой матримониально-озабоченных доброжелателей. По сравнению с турецкой деревней отель на острове Бивер был местом абсолютно безопасным.

Хасан и Заноза, хоть и получили, как особо почетные гости, приглашение на все трое суток праздника, приехать собирались лишь на один вечер. Последний. На ту часть, которая удовлетворила бы самых взыскательных блюстителей традиций, поскольку включала в себя вечернюю молитву и церемонию бракосочетания в мечети. Хороший обычай – проводить важные обряды после заката.

Из висконсинских Атли в мечети, кроме как на собственной свадьбе, не бывал никто, исключая разве что дедушку и бабушкой. Семья невесты состояла из убежденных атеистов. Включая дедушку с бабушкой. Среди родственников верующих набиралось довольно много, но Заноза не сомневался, что по сравнению с ними Хасан, ни разу после смерти не заглянувший в мечеть и не сотворивший намаза, был мусуль-

манином высочайшей пробы. Он хотя бы и правда верил.

Да какая разница? Обряд есть обряд. Если на молитве будет хотя бы один по-настоящему верующий мусульманин, от этого станет только лучше.

Заноза-то, понятное дело, и близко бы к мечети не подошел. Но от него никто этого и не ждал. Приглашение на молитву и обряд было знаком уважения, данью традиции, пришедшей из тех времен, когда присутствие неверных на празднике не рассматривалось даже как фантастическое допущение.

Уверенности Хасана в своем праве прийти в любой храм любой конфессии Заноза не то, чтоб завидовал, но не раз думал о том, что ему очень не помешало бы научиться так же, без тени сомнения, говорить «Иншалла». Не важно, на каком языке. Не важно, какого бога имея в виду. Просто не помешала бы капелька фатализма, позволяющая думать, будто все в мире происходит так, как задумано, и если ты мертв вот уже восемьдесят пять лет, но так до сих пор и не упокоился, значит, такова воля Аллаха, а твое дело оставаться мертвым и неуспокоенным столько, сколько получится.

Это не проклятие, Бог не отвернулся от тебя, Он хочет, чтобы ты делал свою работу наилучшим образом и дал тебе для этого наилучшие возможности.

Для Занозы существование Бога делало мир сверхъестественным, а значит, невозможным. Мир, однако, был реальным, значит Бога, все-таки, не существовало, как не суще-

ствовало ничего сверхъестественного.

Всё очень просто. Но в церковь не войти.

Ни подготовительная работа на посвященном свадьбе сайте, ни тщательное знакомство с турецкими свадебными традициями, ни даже переписка с Майклом, который в меру сил постарался подготовить калифорнийских гостей к тому, с чем им предстоит столкнуться, но сам, как выяснилось, знал не всё, Занозе не помогли. Перелет до аэродрома Бивер оказался последними тихими часами, а сразу на выходе из аэропорта – зала размером с закусочную для дальнобойщиков – их захватила свадьба. Атли соблюли традиции. Они, может, сами этого не ожидали, они ничего такого не планировали, но о том, чтобы свадьба вышла как надо, позаботились те из приглашенных, кто не считал традиции пережитком.

Гулял весь остров. Все семьсот человек. Даже старики и грудные младенцы, так, по крайней мере, показалось Занозе. От стариков, впрочем, ничего другого и ожидать не приходилось. Кто же на пороге смерти откажется принять участие в пьянке такого масштаба?

В том, что касалось алкоголя, то ли турки сочли традиции неверных достойными внимания, то ли неверные выступили с инициативой, от которой невозможно отказаться, в любом случае, на острове торжествовал мультикультурализм. Третий день торжествовал. Был абсолютным победителем.

Краем глаза Заноза уловил усмешку Хасана. Бросил на

своего Турка подозрительный взгляд. Тот уже снова казался серьезным, но кого он мог обмануть?

– Что смешного? – успел спросить Заноза, прежде чем к ним устремилась делегация встречающих.

– Воздаяние, – ответил Хасан. – За все твои клубы разом. Полторатысячная многонациональная пьянка в отместку за хорошую музыку и от силы сотню обдолбышей-меломанов? Конечно! Вот так Турок понимает справедливость.

Заноза пожалел, что никогда не вытаскивал его на рейвы. Впрочем, до турецко-висконсинской свадьбы рейвам было далеко.

Их прибытие само по себе не вызвало бы ажиотажа. Да, они были почетными гостями, да, их ждали, но ждали-то виновники торжества, а не все островитяне от мала до велика. Однако «Эйрион», на котором они прилетели, был первым в истории сверхзвуковым самолетом, совершившим посадку на биверском аэродроме. И на ближайшие лет десять – последним.

Заноза имел основания надеяться, что за десять лет технологии шагнут достаточно далеко вперед, чтобы частные сверхзвуковые самолеты стали таким же обычным делом, как реактивные. В тридцатых годах на Бивер можно будет прилетать, ни у кого не вызывая любопытства. Но до тридцатых было еще далеко, и сейчас не меньше сотни аборигенов, гостеприимных, веселых, не просыхающих третьи сутки, пырились на них, вслух пытаясь угадать, кто из них сенатор,

а кто – помощник президента. Потом из информационного поля вселенной просочился слух о том, что в гости ждут грузинского принца и английского лорда, и началось закономерное обсуждение поразительного факта наличия в Джорджии принцев и, соответственно, монархической формы правления.

На этом этапе Майкл Атли на непрерывно сигналившем «крайслере», сумел, наконец, пробиться сквозь толпу дружелюбных островитян.

Салон автомобиля погасил звуки, тонированные стекла смягчили краски и свет. Заноза рискнул снять черные очки и обвиняюще ткнул ими в Хасана:

– Ты с самого начала знал!

– У нас принято приглашать на свадьбу всех соседей, – невозмутимо напомнил Турок.

– Мы об этом не подумали, – признал Майкл, аккуратно выруливая на дорогу. – Но из Турции приехали гости, лучше знающие традиции. И при деньгах, – он то ли вздохнул, то ли усмехнулся. – Когда стало ясно, что Бивер превращается в турецкую деревню, шериф напрягся, мобилизовал добровольцев для поддержания порядка. В мирное-то время он тут – единственный коп. Добровольцы третий день гуляют вместе с остальными, и до сих пор никаких проблем. Даже не подрался никто ни с кем. Всем некогда. Наши почти не пьют, – добавил он с легким удивлением.

А Заноза задумался, кого Майкл считает своими, турков

или висконсинцев. Современный мир подкупал подобными загадками.

К тому времени, как добрались до отеля, стало понятно, что не пили, все-таки, турки. По крайней мере, те, что приехали из Турции. Веселиться им это несколько не мешало, видать, имелись другие способы расслабиться. Кальяны там всякие и прочая не запрещенная законом дурь. Заноза не вникал. Никого из местных они есть не собирались, подкрепились во время полета – весь персонал «Эйриона» был из Стада. Несомненное и огромное преимущество личного самолета перед арендованным – возможность есть тех, кто на тебя работает.

Звучит не очень, но вампиром быть, вообще, не сахар.

У тех, кто знал традиции, наверное, голова шла кругом от правил этой свадьбы, но для тех, кто не знал, торжества были организованы довольно удобно. Атли не следовали обычаям, но и не отвергали их, и гости поступали так, как привыкли. Турки из Турции развесили по деревьям, разложили на разных видных местах, купюры и золотые монетки – у кого на что хватило возможностей. Американцы и гости из Европы дарили деньги в конвертах. Конверты с деньгами, сложенные в номере для новобрачных, ни в какое сравнение не шли с увешанными золотом деревьями в парке отеля, но тут уж кто к чему привык.

Почетные гости дарили подарки непосредственно моло-

дым. Здесь тоже не было никаких сложностей. Золотые монеты, золотые украшения, золото, золото, золото. Засыпьте им невесту с ног до головы, чтоб жених без лопаты не смог до нее добраться, и считайте, что свадьба удалась.

Ну, а члены семьи могли дарить, что заблагорассудится, хоть сертификат на покупку мебели для нового дома; хоть, собственно, новый дом; хоть собаку, лошадь и слона для будущих детей. На что хватит фантазии. У Занозы был статус почетного гостя, у Хасана – члена семьи. С фантазией у обоих был полный порядок, но дарить лошадей они все-таки не стали.

Вообще, не то, чтоб они обсуждали этот момент. Как-то не сговариваясь решили, что традиционное золото – лучший выбор.

В глазах рябило от красок, света и блеска, в ушах звенело от музыки и многоязычной многоголосицы, мозг электризовался от запахов. Заноза наслаждался каждым мгновением, хотя ему едва хватало оперативной памяти для обработки такого количества визуальной информации. Очень много очень разных нарядов – к этому он тоже оказался не готов. На свадьбе Атли не было никакого дресс-кода – сознательный и верный выбор с учетом многонациональности гостей, принадлежащих, вроде бы, к одной семье, но десятки лет живущих по разным обычаям. И вместо ожидаемого чередования классических костюмов и нарядных платьев, праздник стал взрывом... мод? стилей? традиций? Да всего сразу.

В начале торжества дело, возможно, ограничивалось национальными костюмами из разных местностей Турции, которые гости привезли с собой, просто чтобы выделиться среди сторонников классики, но за три дня местное население прониклось. До глубины души. И из сундуков и шкафов, с чердаков и подвалов были добыты баварские, польские, индейские, африканские, вьетнамские и черт знает какие еще наряды, хранившиеся со времен первых эмигрантов. Ну, или со времен вытеснения первыми эмигрантами последних коренных американцев.

Что ж, если турецкие свадьбы все такие, понятно, почему они до сих пор не отказались от возможности сыграть две-три за один раз, пережив всех холостяков и незамужних, кто окажется в зоне поражения. Никакого здоровья не хватит, если отмечать каждое бракосочетание отдельно. Да, пьют мало, но все всё время пляшут, причем старики – еще похлеще молодых. Похоже, старшие гости в первый же день провели для молодежи (включая местных жителей) бесплатные мастер-классы по зейбеку, халаю, бару, каршиламе и много чему еще. Сколько привезли нарядов, столько привезли и танцев, похожих, разных, женских, мужских, с музыкой и без нее. К вечеру третьего дня энтузиазм на убыль не пошел, а наоборот достиг апогея. Перед главным-то событием – обрядом в мечети – как же не уплясаться до полусмерти?

Заноза прислушался к разговору на фарси, который ве-

ли с Хасаном мулла из Карасара, профессор африканистики из Гейдельбергского университета и юная поэтесса из Парижа. Казалось, Турок и двое его старших собеседников должны были обсуждать что-нибудь философского-религиозное, а девица – внимать, время от времени вставляя почтительные замечания и комментарии. Выяснилось, однако, что на фарси они треплются просто ради возможности поговорить на фарси. Не на койне⁵, а на литературном, архаичном, том, на котором говорил Заратустра. А разговор идет о преимуществах японских автомобилей перед европейскими и американскими.

Хасан, будучи самым старым и закосневшим, считал, что лучшие машины делают в Европе и отстаивал свою точку зрения с тем невозмутимым достоинством, против которого Заноза не мог найти аргументов, даже когда они были.

Он знал Турка двадцать лет. Мулла, профессор и поэтесса были знакомы с ним каких-то три часа, и сдавали позиции со скоростью и травматичностью лыжника, падающего с Эвереста.

А вот нефиг спорить с мистером Намик-Карасаром.

Поймав себя на одобрении тех черт характера, которые он больше всего в Хасане ненавидел, Заноза постарался перестать подслушивать. И так понятно, что с муллой его Турок мог бы поспорить на религиозные темы, а с африканистом – об особенностях почти любого из африканских племен. Он,

⁵ Койне в данном случае – разговорный вариант фарси.

блин, знал об этом больше любого ученого, был тем практически – кошмаром любого теоретика – который за свою жизнь успел поверить эмпирически все существующие теории.

У поэтессы шансы были. На своем поле. Да и то... не факт, не факт.

В одну из ночей, выдавшаюся относительно свободной, а посему проведенную дома, они, как-то так вышло, заговорили о поэзии. Начали-то, ясное дело, с классики, каждый со своей, а закончили почему-то рэпом. Казалось бы, при чем тут, вообще, поэзия? Тогда Хасан обмолвился, что в стихосложении не силен, хотя и знает правила – зря ли он учился в хорошей германской школе? – но что до рэпа, то его смог бы и написать, и прочесть даже на фарси.

Естественно, Заноза всем своим видом, жестикуляцией и множеством эмоциональных выражений дал понять, насколько он хочет послушать рэп, написанный Хасаном на фарси, или хотя бы рэп, переведенный Хасаном на фарси.

– Никаких записывающих устройств, – предупредил Турок.

Это было так на него не похоже, такая покладистость, что Заноза даже не насторожился, просто удивился.

– Само собой! Я же понимаю, что рискую потерять лучшего друга.

– Друзей, – мягко уточнил Хасан.

Мягкость была знакома. Прохладная, бархатная и смертоносная. Но Заноза все равно не понял.

– Друзей? – переспросил он, как последний тупица. – Каких?

– Всех, – Хасан пожал плечами. – *Всех* друзей, которым ты мог бы дать это послушать.

В общем, на поэта, даже на поэтическом поле, Заноза тоже ставить бы не стал. Не потому, что Хасан – это Хасан, и «всех друзей...» – не преувеличение, а потому, что рэп на фарси, в итоге оказался очень даже. Очень даже, да.

Но нет, не только поэтому. А потому, что Хасан был непредсказуем. Простой, понятный, близкий, любимый, изученный до последнего шрама на сердце, до самых неуловимых вывертов психики, он оставался непостижимым. Где уж там спорить с ним посторонней парижанке?

Мда. Возвращаясь к непредсказуемости, в дискуссии с девушкой поведение Турка можно было предсказать, даже совсем его не зная. Он уступил бы.

Шовинист, исламист и... шовинист. А все думают, что джентльмен.

... Чувствовать себя гостем в почти родной стране, не туристом – иностранцем, оказалось интересно. Еще интереснее было чувствовать, что к нему и относятся как к иностранцу. И еще интереснее – понимать, что тут все друг для друга иностранцы. Удивительные, но не чужие. Даже Атли, много раз приезжавшие сюда на курорт, стали в глазах островитян экзотическими пришельцами, когда пригласили на

Бивер свое семейство. О гостях из Старого Света, особенно – из Турции, и говорить нечего. Гости же, прибывшие из очень разных краев, в свою очередь, с изумлением изучали и друг друга, и семью Атли, и жителей Бивера, отличающихся от Атли, как только могут отличаться островитяне, обитающие в «маленьком американском городке» от континентальных жителей мегаполиса. Все они при этом были чем-то да объединены: кровными узами; национальными обычаями; неписанным укладом островной жизни. Заноза же отличался от них от всех. Они были землянами, он – инопланетянином.

Англичанин. Чистокровный. И, будто этого мало – настоящий лорд.

Черт, у него даже был свой собственный маленький английский городок. Концепция, в корне чуждая большинству присутствующих, кроме, разве что, тех, кто приехал из Турции или из Индии. Его и большинство британцев уже не поняли бы. И хорошо. Времена изменились, и то, что некий лорд, пережиток прошлого, сохранил тысячелетнюю власть своей семьи над людьми и землями, должно быть исключением из правил.

Имя и титул Заноза вернул себе три года назад. Перенес из виртуальной реальности... куда? Он все еще не мог толком сформулировать. Его не было, не существовало, как не существовало и всех тех лордов Доузов, которых он созда-

вал и заставлял удаленно взаимодействовать с миром. Однако замок был реален, Столфорд был реален, Томпсоны, ради которых он сто пятнадцать лет сохранял инкогнито, были реальной некуда. То, чего нет, владело тем, что есть. Обычно бывает наоборот – фиктивные владения у реальных людей. Но когда у него что было обычным?

Это всё Мартин. Когда более-менее разобрался в здешней жизни, поинтересовался, почему Заноза скрывает имя и титул. Выразил полную готовность помочь, если дело, например, в вендетте. Но допускал мысль, что Заноза ошибочно продолжает придерживаться убеждений, будто бизнес и титул несовместимы и могут нанести урон семейной репутации. Он по обоим пунктам был отчасти прав. В начале двадцатого века, очнувшись однажды утром в Нью-Йорке и обнаружив, что потерял куда-то год, но приобрел капитал и недвижимость, Заноза почел за лучшее выдумать себе новое имя и поискать какое-нибудь занятие, не оглядываясь на титул и родословную. В те времена бизнес и впрямь считался делом недостойным джентльмена и дворянина. Ну, а потом... такие уж он находил себе занятия, что вендетты стали наслаиваться друг на друга, как одежды японских придворных эпохи Хэйан. Вернуть себе настоящее имя означало навести врагов на замок, на Столфорд, на Томпсонов. Многовато слабых мест было у лорда Доуза. А у Уильяма Сплиттера их не было вовсе.

Мартин мог помочь с закрытием всех счетов. Демон есть

демон. Что ему не под силу? Но Заноза знал себя. Он виртуозно умел наживать врагов. Еще – зарабатывать деньги, но это, как ни странно, был, скорее, способ обзаводиться друзьями. В общем, ограничься он преумножением капитала, и мир вокруг стал бы полон доброжелателей и безобидных завистников. Но одним только бизнесом счастлив не будешь. И вот тут начинались проблемы: вендетты, кровавые охоты, шантаж, выкуп за голову, попытки использовать бесплатно и без смазки и разные другие интересные, увлекательные, но опасные для близких явления. От мыслей о близких совсем недалеко оказалось до... ну, до мыслей о близких. Кроме Мартина.

Мартин был тем близким, кто мог решить текущие проблемы. Называя вещи своими именами, Мартин мог попросту уничтожить всех опасных врагов. Еще были близкие настолько беззащитные, что им угрожали и опасные враги, и безопасные и даже вовсе безобидные. А еще был Турок.

Заноза вернулся из Юнгбладтира в Алаатир и спросил у Хасана, может ли Блэкинг поговорить с обитающими в Доузе фейри и убедить их защищать замок и его обитателей.

– Зачем для этого Блэкинг? – удивился Хасан.

И был безусловно прав. Блэкинг умел с духами разговаривать, а Хасан – договариваться. И договаривался всегда на своих условиях.

Тогда он во второй раз побывал в Доузе. А по-хорошему, так и вовсе впервые туда приехал. Не считать же, в самом

деле, первым посещением – рывок по центральной аллее от ворот до трюма «Клиппера»⁶, который сразу взлетел и уже через несколько минут был за пределами королевства.

Даже чаю не попили.

Счастье, что Томпсоны ничему не удивляются. Никогда ничему не удивляются. Никто из них. Нынешний мистер Томпсон был пятым, которого знал Заноза, и ко всему, связанному с выходками хозяина замка, относился с тем же спокойствием, что и самый первый. На памяти Занозы – первый, а так-то Томпсоны служили в Доузе столько же веков, сколько Спэйты владели замком. В общем, первый мистер Томпсон с равным спокойствием снимал пятилетнего мистера Уильяма со слишком высоких деревьев, откуда тот боялся слезть самостоятельно; и с дырявой лодки, на которой шестилетний мистер Уильям отправился в путешествие по реке до самого моря, и которая начала тонуть на быстрине; и с лондонского поезда, на котором восьмилетний мистер Уильям вознамерился сбежать в индейцы. Ну, а нынешний мистер Томпсон совершенно невозмутимо воспринимал и военные самолеты на центральной аллее, и белого льва на псарне.

Льва добыл Мартин. Нашел в каком-то цирке. Лев был старый, слепой, выступать уже не мог, но цирковые оставили его на довольствии и ухаживали не хуже, чем за остальным

⁶ Здесь – модель трансатлантического военно-транспортного самолета (см. «Смена климата»).

зверинцем. Неплохие оказались люди, что б там ни рассказывали о цирках и ярмарках, и жестоком обращении с животными.

Мартин увидел льва и захотел его себе. Льву было всё равно. Цирк ухватился за возможность сбыть обузу, даже денег не захотел, но дрессировщик поставил условие – право навещать Лео. А то вдруг Мартин живодер какой, мало ли, что известный художник. Таксидермисты, вон, тоже себя художниками считают. Не сказать, чтобы Мартин был чужд живодерству – Заноза за прошедшие годы своего демона изучил неплохо, и знал за ним разные интересные привычки, от которых даже мертвых в дрожь бросало. Но животных Мартин не обижал. А уж на Лео-то, с его трогательным розовым носом, розовыми на просвет ушами и розовыми подушечками на лапах, не поднялась бы рука даже у законченного таксидермиста.

Выиграли в результате все. У Мартина появился личный лев. У цирка – регулярные гастроли в Столфорде с обязательным аншлагом, потому что Заноза заранее скупал все билеты и раздаривал горожанам. У льва – целый замок и свора шумных, пахнущих псиной, но верных друганов. В замке он освоился легко и очень скоро стал вести себя как обыкновеннейший домашний кот, чем несказанно умилял миссис Томпсон. А с собаками пару недель конфликтовал, но потом как-то вдруг подружился и переселился из гостиных с удобными диванами на псарню. Где для него, правда, тоже поста-

вили диван.

Трудно сказать, какое впечатление Доуз произвел на Хасана... Ну, там, Томпсоны, Лео, лошади и собаки, которые не боятся вампиров. Мартин, опять же. Его не было дома, когда Турок нанес визит, но демоны, они такие, если где-то живут, то это всем издалека понятно. Что-то в них есть или вокруг них, какое-то волшебство или свет, или хрен знает, как это назвать. А Мартин же еще и замок переделывал. Там, блин, пять этажей, из которых жизнь была только на первом и только в одном крыле, всё остальное за сто с лишним лет превратилось в сильно запущенный склад древностей и редкостей.

Мартин в них влюбился. В древности, в редкости, в чердаки и подвалы, в каменную резьбу, цветной мрамор, плющ и тюльпаны в феврале распускаявшиеся под южной стеной. Они с Лео даже подземный ход обнаружили, уводящий за город, к морю. Заноза об этом ходе знать не знал. И отец, кажется, тоже понятия о нем не имел, иначе рассказал бы.

Короче, Мартин замок оживил. Одушевил. И продолжал с ним работать. Что-то чинил, что-то к чертовой матери выкидывал, что-то вытаскивал из забытых богом кладовок и расставлял, где считал нужным. Восстанавливал паркет, реставрировал картины и гобелены, проложил электричество туда, где его с одиннадцатого века не было.

Заноза помогал, чем мог, но только на подхвате. Как ин-

женер и грубая сила. Иногда Мартину требовалось сочетание того и другого, а иногда лучше было смыться и не беспокоить его до очередного преобразования очередного хламовника в жилую комнату или музейный зал.

Хасан в замке задержался не дольше, чем нужно было для заключения договора с фейри. Недовольным он, однако, не казался. Заноза на его эмоции все радары настроил – отношение Хасана к Мартину и Мартина к Хасану было темой сложной, тонкой и неоднозначной – но даже тени недовольства не уловил. Правда, не увидел и приязни. Мартин сразу принял Доуз и полюбил, а Хасану, похоже, сама идея замков была чужда. Музеи – это понятно и правильно, но жилые дома возрастом в тысячу лет – явный перебор.

– Духов у тебя для такого древнего места очень мало живет, – сказал Турок, когда возвращались домой, – я сначала решил, что, их вытеснил доктор Фальконе, отдав Доузу часть своей сущности, но оказалось, что во владениях Спэйтов их всегда было немного.

Фейри, вообще-то, спокойно относились к присутствию демонов в тварном мире. Выбирать им не приходилось, оставалось мириться. Речь, понятно, не шла о *плохих* демонах, прорывавшихся на Землю из Преисподней с единственной целью – нагадить как можно больше, прежде чем найдется тот, кто отправит их обратно в ад. Таким демонам иные фейри еще и помочь могли. Ну а на обычных, на ангелов там, богов и всяких других, типа Мартина, не обращали внима-

ния. Они же сосуществовали со дня Творения. Да, они верили в день Творения и всякую такую фигню, а поэтому не понимали, что их нет и не может быть, и Занозе приходилось мириться с этим, как демонам и фейри – друг с другом.

Не Мартин вытеснил фейри с принадлежащих Спэйтам земель. Фейри по какой-то причине с самого начала не рвались там поселиться. Если подумать – понятно по какой. Они поддержали Вильгельма Завоевателя, когда тот получил власть над Англией, значит поддержали и все его решения (если только те не противоречили договору, который заключил с ними для Вильгельма тогдашний Посредник), значит поддержали и передачу во владение Спэйтов земли, где Спэйты возвели Доуз и постепенно построили Столфорд. А первый из Спэйтов был демоном, теперь-то это известно. Вот и получается, что фейри сами отдали эту землю демону и его потомкам. После этого, что им оставалось, кроме как собрать вещички и свалить туда, где демонов поменьше, а суеверий побольше? Хорошо, что хоть кто-то остался.

Кто-то достаточно влиятельный, чтобы защитить и обитателей замка, и жителей города от происков врагов Занозы.

Речь не шла о защите вообще от всего, об обеспечении полного благополучия или абсолютной безопасности. В замок по-прежнему могли влезть воры (с появлением Лео, правда, попытки обокрасть Доуз прекратились без всякого волшебного вмешательства); Томпсоны по-прежнему могли слететь на машине с обрыва идущей вдоль моря дороги;

мог случиться пожар, наводнение, землетрясение; на замок, в конце концов, мог упасть метеорит. Да что там, на весь Столфорд мог упасть метеорит!..

На этом месте Заноза машинально начал высчитывать последствия падения метеорита, способного стереть с лица земли его город, и отвлекся от деталей договора о защите. Суть он понял, она сводилась к тому, что его враги больше не могли повредить его близким, а ничего лучше нельзя было и пожелать. Поэтому следующий час он рассказывал Хасану (с графиками и иллюстрациями), что будет, если метеорит упадет непосредственно на город, что будет если метеорит упадет в море рядом с городом, что будет, если метеорит упадет в море на изрядном расстоянии от города. Турок, внимательно выслушавший всё до конца, поинтересовался, что будет, если метеорит упадет на грот Спэйтов. Грот Спэйтов был... особенным местом, и задачу удалось решить далеко не сразу, да то лишь с привлечением дополнительных знаний, знаний о том, чего не бывает, поэтому поиск ответа занял Занозу до конца перелета.

У Хасана нашлось время спокойно почитать книжку. Ну, да, он и хотел спокойно почитать книжку. Но про метеорит в гроте Спэйтов ему тоже было интересно. Хасан не любил такие места. Он-то, в отличие от фейри, был вампиром. А вампиры категорически не одобряют демонов и все, что с ними связано.

Увы, метеорит гроту не повредил бы. Для того, чтобы из-

лечить эту червоточину, требовалось что-нибудь посерьезнее.

...Незадолго до начала молитвы и обрядов Майкл и Заноза показали Хасану свое детище, которым оба по праву гордились, Майкл – как отыскавший все необходимые данные, Заноза – как дизайнер и разработчик софта. В комнате без окон на стены и потолок проецировалось четырехмерное (время здесь имело значение и могло считаться полноценным измерением) фамильное древо. Отсчет велся с тридцатых годов двадцатого века, с принятия закона о фамилиях, поэтому самого Хасана в списках не было, зато были его сыновья, внуки, правнуки и пра-правнуки. Ну, и... «кавказско-британской» ветви Намик-Карасаров тоже нашлось место в многослойной схеме.

Заноза показал Турку как работает дистанционная указка – при наведении ее луча на имя или портрет, разворачивалось меню с подробными сведениями об интересующем члене семьи. Учитывая насколько далеки от действительности были скромные данные о Намик-Карасарах с Кавказа, Хасан имел полное право усомниться в достоверности любой информации о родственниках, но он, во-первых, был вежливым и не стал бы выражать сомнения вслух, а, во-вторых, в Майкла к этому времени верил уже не меньше, чем Заноза.

Он пощелкал указкой, выбрал несколько имен, среди них – парочку своих пра-правнуков. Выглядело это обычным ин-

тересом к однофамильцам-ровесникам, и у Занозы, слегка беспокоившегося весь вечер, когда его Турок вступал в разговоры с приехавшими на свадьбу Намик-Карасарами, окончательно отлегло от сердца. Хасан принял смерть старшего сына и перестал считать семью неотъемлемой частью своего небытия.

– Эффектно выглядит, – оценил Турок, отложив указку. – Удобно пользоваться.

Из его уст это была похвала из похвал. Удобно пользоваться! Цифровой технологией! Это Хасану-то, который даже по мобильному звонить умел только на номера, закрепленные на «горячих» клавишах, о смартфоне же не хотел даже слышать.

– А я за эти три дня понял, что в нашей семье любая женщина старше шестидесяти держит все это в голове, – признался Майкл.

– Обманчивое впечатление, – сказал Хасан. – Когда-то так и было, но те времена давно прошли. Сейчас все пользуются... интернетом.

Многоточие заменило слова «этим вашим». Хасан сегодня был поразительно тактичен. Майкл и не заподозрил, каково истинное отношение мистера Намик-Карасара к современным технологиям вообще и интернету, в частности.

Майкл пока многого о Хасане не знал. Сколько интересного ожидало его по приходу в «Турецкую крепость»! До этого было еще далеко, а с Хасаном они перспективы Майк-

ла вообще пока не обсуждали, но Заноза уже задумывался, как скоро юный Атли окажется в ночной смене.

...Присутствие Хасана на молитве в самом деле превратило формальную церемонию в настоящий обряд. Хорошо, что вышло именно так, но Занозе стало не по себе даже на расстоянии полусотни метров от часовни (как в большинстве отелей, здешняя была универсальной и подходила для церемоний любой конфессии). Он почел за благо вообще убраться с территории, на которую распространялось влияние обряда. Как и ожидалось – за декоративной оградой отеля неприятные ощущения как рукой сняло. А вот чего он не ожидал, так это обнаружить, что Майкл тоже не пошел на молитву.

– Ты настолько воинствующий атеист, что вообще религиозных проявлений не переносишь? – спросил Майкл.

Спросил в шутку. Вроде бы.

– Просто нужно проветриться, – отмахнулся Заноза.

– А можно подумать, будто тебе от молитвы нехорошо.

– Это кому можно такое подумать? Религиозные гости все в часовне.

– Есть еще и суеверные, знаешь ли. И просто наблюдательные.

Вот когда Заноза возблагодарил Аллаха и всех нелегальных богов за то, что Хасан в обязательном порядке велел ему вести себя на свадьбе по-человечески и есть человеческую

еду.

– Там будет не меньше десятка внимательных старух, которые не способны пройти мимо мальчика твоей комплекции и с твоим цветом лица, не попытавшись накормить его. Шведский стол не спасет, ты от них не улизнешь и не спрячешься. Так что лучше один или два раза сдаться и поесть, чем привлекать внимание категорическим отказом от пищи.

Слово «старухи» Заноза счел излишне резким – «пожилые женщины» звучало значительно лучше и подходило достойным дамам значительно больше, но в остальном Хасан как в воду глядел. И он был прав – лучше было сдаться. Что Заноза и сделал.

Это потребовало усилий, потребовало затрат крови, но с учетом Майкла – здесь и сейчас – оправдало себя полностью. Нерелигиозный и несуетный парень был очень наблюдательным. Чересчур. Хорошо, что у него нашлось мало материала для наблюдений. Всего-то лишь дурнота, накатившая на Занозу с началом молитвы.

Простое совпадение.

Но, пожалуй, в ночную смену Хасан возьмет Майкла раньше, чем любого другого из сотрудников-людей за всю историю «Крепости».

ГЛАВА 3

За три года, прошедших с памятного ноября, со дня личного знакомства с мистером Намик-Карасаром и с Зано-

зой, Майкл узнал о людях больше, чем за всю предыдущую жизнь. Отчасти, конечно, потому, что повзрослел – между семнадцатью и девятнадцатью взгляды на жизнь заметно меняются, – но в основном потому, что научился видеть мотивы человеческих поступков и понимать, каких последствий люди ожидают от своих действий.

Он уверился в том, что они думают о последствиях, и одного этого открытия было достаточно, чтобы полностью изменить свои представления о человечестве. Когда знаешь, что человек, совершая нечто, непостижимое рассудком и неприемлемое для здравого смысла, надеется на невозможный результат, его поступок выглядит совсем иначе, чем, когда ты (как большинство людей) полагаешь, что он не заглядывал вперед даже на полшага, крутишь пальцем у виска и говоришь себе: «ну, и придурок!»

Майкл, например, стал понимать мотивы людей, выкладывающих на ютуб видеозаписи собственных правонарушений. Эти... ладно, Заноза называл их недоумками, а не людьми и был, пожалуй, прав. Но как бы то ни было, они и впрямь не думали о том, что по записям их с легкостью отыщут копы, однако это не означало, что они не думали вообще.

Не учитывали всех обстоятельств? Не учитывали.

А поставленной цели добивались? Добивались.

Неизбежность ареста, суд, штраф или любое другое установленное законом наказание всего лишь выпадали из сфе-

ры их восприятия. Глупость, но глупость объяснимая. Человек, совершивший ее – постижим. Постижимость делала людей людьми, а не придурками, уродами или негодяями.

Майкл всегда считал себя неплохим человеком, но оглядываясь назад, констатировал, что пока не начал понимать людей, думал о многих из них так, как неплохой человек думать не должен. То, что многие люди думали так о других людях, ни в коей мере не служило оправданием.

Любой поступок можно понять. Заноза утверждал, что это английское правило, но Занозу послушать, так вообще все доброе и разумное на Земле появилось только благодаря англичанам.

Прощать понятый поступок не обязательно.

Насчет этого дополнения Майкл легко допускал мысль, что оно английское. Он близко знал только двоих настоящих англичан – Занозу и мистера Намик-Карасара, и оба производили впечатление людей, не склонных к прощению. Независимо от степени понимания.

Он закончил колледж по программе военной подготовки. Родители были недовольны, но спорить не стали. В конце концов, он же все равно собирался после службы поступать в университет, а уж кем быть дальше касалось только его и никого больше. Единственное, отец предложил выбрать специальность, связанную с семейным бизнесом, и Майкл стал техником высококомобильных полевых медицин-

ских укрытий, электрооборудование для которых произвела отцовская компания.

Признаться, это было лучше, чем воевать. Майкл готов был убивать людей, тех, кого нужно убить... точнее, он готовился к тому, что однажды будет готов убивать тех людей, которых нужно убить. Если его примут в «Турецкую крепость», ему придется это делать, так ведь?

Он готовился.

Но всё еще не был готов.

За полгода службы в госпитале видел, казалось бы, всё; видел такое, что три года назад не мог вообразить; такое, что ни в одном кошмаре не приснилось бы. Но до сих пор не привык. Даже наоборот, насмотревшись на работу врачей, на то, скольких трудов, стоит возвращение людей к жизни и как легко эти жизни отнять, он постепенно утверждался в мысли о том, что нарушать целостность и работоспособность человеческого организма – преступление. Так оно и было – это основы гуманизма и закон для всех современных обществ, но война плохо сочетается с гуманизмом и законностью. А Майкл был на войне. И собирался воевать дальше. Не здесь, нет. Со службой в армии через полгода будет покончено, и если он вернется в Сирию, то только в составе антитеррористического рейда «Турецкой крепости». Но тогда-то убивать точно придется. Не будет же он, в самом деле, как прочил Заноза, заниматься только детективной и аналитической работой. Научиться нужно всему. И пользу приносить там, где

понадобится, а не там, где лучше всего получается.

К тому же, душа у него лежала и к технике, и к оружию. Он только убивать не мог. А, с другой стороны, он ни разу и не пробовал. При одной мысли об убийстве начинало тошнить, но кто знает, как он себя поведет, если госпиталь нужно будет защищать от террористов? Тут беспомощные раненые и почти беспомощный медперсонал. Их даже последний пацифист будет защищать с оружием в руках. И это тоже основы гуманизма.

* * *

Ад разверзся ночью. Артобстрелы чаще всего случались по ночам, и в глухой тьме в госпиталь везли раненых и убитых, не отделяя одних от других. Как различить, мертвы или живы человеческие тела, скальпированные, с оторванными конечностями, намотанными на осколки снарядов кишками, распадающиеся в руках? Как различить, кто из них исходит нечеловеческим криком боли, а кто уже замолчал навсегда?

Сортировку проводили уже в госпитале. Самая страшная часть работы полевых врачей. Необходимая. Но именно она превращала укрытие в ад на земле.

Майкл видел, что все медики, все техники – весь персонал (он и себя ловил на том же) в лихорадочной мучительной спешке, в беспрестанном и беспросветном выборе, кому жить, кому умирать, время от времени бросали взгляд на восток. Там должно было взойти солнце, восход приближался

и это никого не радовало.

Солнечный свет должен был помочь. Просто потому, что свет лучше тьмы. Но он не спас бы никого из обреченных. А из тьмы, из ночи могло прийти спасение для всех. Ренц Вавржик, начальник госпиталя, озвучил его мысли. На бегу. Когда очередного раненого, отличимого от умирающих лишь потому, что тех до бессознательности обкалывали морфием, везли в сияющую светом реанимацию:

– Да будь он хоть сам сатана! Рассветет через два часа...

Ларкин сатаной не был. Он был человеком с острой формой аллергии на ультрафиолет, и никто никогда не видел его при свете солнца.

А еще о нем много говорили днем, но не вспоминали по ночам, если только он не заглядывал в гости.

Или по делу.

Вавржик нарушил негласное правило, больше похожее на суеверие – вспомнил Ларкина до рассвета. Майкл суеверий был чужд, мистику презирал, а религий чурался, и то, что наглухо тонированный «ленд ровер» влетел на транспортную площадку сразу после брошенных в сердцах слов, счел совпадением. Обычным.

Однако он очень близко оказался к тому, чтоб увидеть здесь божий промысел. Потому что за рулем «ленд ровера» сидел спаситель. Определенно, не Сатана. Ангел, приходящий в ночи, вот, кто он такой. А в миру – гематолог доктор Гилез Ларкин.

Ларкин занял все три приемных модуля: диагностический, предоперационный и сортировочный. Оставил в распоряжении остальных врачей реанимацию и операционную, оставил тех, кого можно было спасти. Раненые, которых можно было спасти, его не интересовали, и в этом тоже было что-то ангельское. Или что-то нечеловеческое.

Майкл, впрочем, еще в школе узнал, что лучшие хирурги выходят из людей, полностью лишенных эмпатии, и этой стороне натуры Ларкина не удивлялся. Удивляться стоило его таланту, способностям, превосходящим все мыслимые нормы настолько явно, что Ларкин всегда оперировал без свидетелей. Лишь несколько личных помощников, также имеющих докторские степени, были посвящены в методы его работы. Учились, наверное.

Пятеро их было, как Майкл сумел выяснить. Сам он за полгода службы познакомился только с двоими – доктором Фуччо и доктором Хибу. Сегодня с Ларкином тоже приехали они.

Опустились пологи, отделяющие приемные от остальных модулей. Мощнее, уверенней стал гул генераторов и как будто бы ярче зажегся свет. Теперь оставалось лишь считать минуты до восхода солнца.

И работать на подхвате у обычных врачей. В нормальных обстоятельствах у инженерно-технического подразделения, к которому относился Майкл, никаких дел не было, пока

госпиталю не приходило время сменить дислокацию. Однако на случай обстоятельств ненормальных, весь персонал, включая техников, имел за плечами курсы десмургии⁷ и владел навыками транспортировки раненых. Сегодняшние же обстоятельства далеко ушли от нормы. Ларкин тому живое подтверждение.

Майкл достаточно времени посвятил поиску свидетельств паранормальных способностей, чтобы знать, что они существуют. Но Ларкин стал первым, кто даже не думал их скрывать. Был еще Заноза, чье влияние на людей выходило за рамки обычного, и который честно признавал, что «умеет нравиться», но «влияние» – понятие расплывчатое, ему можно научиться. Если знать людей так, как знает Заноза – точно можно. То есть, способности Занозы не были паранормальными, они были приобретенными: опыт, наблюдательность, знание практической психологии. Были сотрудники «Турецкой крепости», из которых Майкл пока кроме Занозы и Арни никого не знал, но действия которых в совокупности выдавали сверхчеловеческие возможности. Однако эти возможности не афишировались, даже наоборот, тщательно скрывались. Что, вообще-то для ненормального абсолютно нормально, для сверхъестественного – абсолютно естественно. А в Сирии Майкл познакомился с Ларкином, живой ле-

⁷ Десмургия – раздел медицины, изучающий технику наложения повязок и шин.

гендой. В буквальном смысле легендой: итальянский врач стал здесь частью фольклора. В основном, афганского, египетского и размазанного по всему Ближнему Востоку – бедуинского, но и среди местных европейцев и американцев о нем говорили не как о реальном человеке, живущем среди таких же людей, а вспоминали как персонажа из комиксов.

Для военных медиков он, однако, оставался необъяснимой, но неопровержимой реальностью. Потому что делал то, что невозможно было понять, но и отрицать было невозможно. Как сегодня ночью...

Небо посветлело. «Лэнд ровер» Ларкина умчался в пустыню и давно скрылся за барханами. А в приемных модулях приходили в себя солдаты, полтора часа назад умиравшие от осколочных ранений, а сейчас нуждавшиеся только в регулярных перевязках и паре недель на реабилитацию.

Ларкин никогда не объяснял, как он оперирует, каким образом работает. Но никогда и не отрицал, что делает то, что не под силу обычным людям. И у него были ученики. Он не собирался уносить свои умения в могилу. Он честно говорил, что учить может только тех, кто наделен способностями, до сих пор не исследованными, однако очевидными для любого, кто тоже ими владеет.

Разумеется, ему задавали вопросы о том, а почему, собственно, способности не исследованы? Почему они не исследуются? Очень резонные вопросы в отношении ученого, чьи работы стали настольной книгой для большинства гематоло-

гов. А Ларкин не менее резонно отвечал, что гематологии ему вполне достаточно. Хватит на всю жизнь и перейдет по наследству ученикам. Кровь – безграничное поле для исследований, и заниматься ею куда интереснее, чем изучением собственных талантов. Сравните масштаб, и сами поймете. талант дан единицам, а кровь есть у всех.

Талант был дан единицам. И отсюда начинался целый комплекс причин, по которым Майкл до сих пор не рассказал про Ларкина Занозе. Несмотря на то, что услышал о нем впервые почти полгода назад, в самом начале службы, а вскоре после этого познакомился лично.

Обстоятельства знакомства были паршивыми – Ларкин при других не появлялся – но не чудовищными, не такими, как этой ночью. Двое смертельно-раненых, помочь которым можно было лишь облегчив смерть. Тогда он и явился. К облегчению, хоть и не радости, всех врачей. С Ларкином были Фуччо и Хибу, они втроем на полчаса закрылись с ранеными в операционной, а когда вышли, оказалось, что смертельные ранения чудесным образом стали легкими ранами. Фактически, царапинами. Перевязать – и можно возвращаться в строй.

Майкл был подготовлен, наслушался рассказов госпитального контингента, и, верный себе, разыскал все легенды, какие сумел, с учетом ограниченного доступа к местным источникам информации. Он все равно удивился: слышать о

необъяснимых явлениях и увидеть их подтверждение – вещи разные. Но он был подготовлен. Не только рассказами о Ларкине. И не только потому, что довольно глубоко увяз в теме исследований паранормального. Он был свидетелем того, как три года назад, на свадьбе брата, на вечернюю молитву пошли несколько десятков неверующих, а то и просто атеистов, вышли же из часовни... мусульмане. Не сдвинутые, Заноза сказал «без радикальных закидонов», и это была подходящая формулировка, но верующие. Не то, чтобы другие люди, однако изменившиеся.

Отец даже политику компании перестроил. Производство перепрофилировали – сделали упор на оснащении для мобильных госпиталей, вошли в космические программы, а с контрактами на оружие постепенно развязывались. Закрывали их без продления. Это всё должно было стать смертельным для бизнеса, но почему-то не стало.

Майкл не знал, радоваться, что пропустил ту молитву или жалеть об этом. Но странное поведение Занозы в тот вечер запомнил очень хорошо. И не позволил долго уходить от объяснений.

Заноза, в конце концов, был единственным, кроме Ларкина, кто не скрывал свои способности. Они не были паранормальными – точно так же мог влиять на людей любой шарлатан, цыган, гомеопат или телепроповедник. Заноза приводил примеры такого влияния, приводил факты, даты, даже номера дел по статьям за мошенничество (он всегда выби-

рал случаи, дошедшие до суда, те, которые легко было найти и проверить). Ничего сверхъестественного. Но и ничего обыденного, что бы он об этом ни думал. А, кроме того, паранормальные способности Заноза не отрицал. Так же, как Майкл, он не верил только в мистику.

И он сам научил Майкла задавать вопросы так, чтобы не отвертеться.

Правда, некоторые вопросы, наверное, вообще не стоит задавать. Ответы на них, вроде бы исчерпывающие, могут оказаться слишком сложными.

Заноза сказал, что всё дело в вере. Что мистер Намик-Карасар – верующий. В том непостижимом для нормального человека смысле, который делает из христиан святых, из буддистов – бодхисатв, а из мусульман... ну, вот, таких, как мистер Намик-Карасар. Вера без обрядов, вне системы. Заноза сказал «над системой». Сказал, что ритуальность необходима, чтобы верить неосознанно, без мыслей, механистически, так перебирают четки под слова молитвы, вращают молельное колесо, отбивают поклоны. Ритуальная вера – количественная. А бывает другая. Качественная. Вера суфиев. Та, которая заставляет пытаться понять Творца. В поисках этого понимания кто-то пишет музыку, кто-то выводит фундаментальные природные законы, кто-то постигает язык зверей и проповедует львам, ну, а кто-то по мере сил следит за тем, чтобы мир соответствовал божьему замыслу.

– Твои родственники попали под фоновое излучение, –

объяснил Заноза.

Но Майкл, ошеломленный размахом задачи, даже вдуматься в это не стал. Само собой, он знал, что нет никакого божьего замысла, потому что нет никакого Бога, но знание – это одно, а вера – другое. Верующий его знания не примет, а работу свою продолжит. Настоящих верующих в мире исчезающе мало, но они могут делать вещи, выходящие за пределы нормального. Например, нечаянно обратить нескольких атеистов. Вышло, что мистер Намик-Карасар – такой же паранорм, как другие бойцы «Турецкой крепости».

Не бог вещь какое открытие, этого стоило ожидать. Но история кавказско-британских Намик-Карасаров не включала примеров паранормальных способностей. Дед нынешнего мистера Намик-Карасара, совершенно обычный человек, освободил и поставил себе на службу людей, чьи сверхвозможности были развиты в результате нацистских опытов. Их потомки унаследовали особенности родителей и по какой-то причине продолжили семейное дело, то есть, остались служить в «Турецкой крепости» под командованием следующего Намик-Карасара. Тоже совершенно обычного. И вот уже третье поколение паранормов работает на «Турецкую крепость», но теперь выяснилось, что и командует ими тоже паранорм. И как же он стал таким? Разве этому можно научиться?

– Подумай, не путаешь ли ты причину со следствием, – посоветовал Заноза. – Не сверхспособности приводят к вере,

как объяснению необъяснимого, а вера развивает сверхспособности и заодно объясняет их. Кто сможет поверить, тот сможет творить чудеса. Это еще в Евангелии обещано⁸.

В Евангелии это было обещано от имени Христа, пророка, призванного донести до людей волю Бога. То есть, в сущности, в Евангелии сверхчеловеческие возможности верующим давал сам Творец. А Его нет. Значит, Заноза прав. С паранормальными способностями не обязательно рождаться (получать их от Бога), паранормальные способности можно развить, если пребывать в определенном психическом состоянии (быть верующим).

Нацистские опыты тоже годятся, но где взять нацистов или хотя бы данные об их исследованиях? Намик-Карасар, тот, времен Второй Мировой, всё передал МИ-6...

Ну-ну, ничего себе не оставил, и именно поэтому его внук сумел стать паранормом.

Майкл некоторое время размышлял над перспективами, взвешивал свои шансы уверовать. Пришел к выводу, что выкрасть нацистские разработки из недр британской секретной разведки будет проще, и оставил мысли о развитии способностей. Заноза же обходится. А он в своем деле любому паранорму сто очков форы даст, и никакие апелляции к мошенничеству, шарлатанству и гомеопатии этого факта не от-

⁸ "Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас". (Мф 17: 20)

меняют.

Спустя два года Майкл познакомился с Ларкином.

Для выходцев из семей капиталистов, того самого, пресловутого одного процента населения Америки, которое относилось к высшему классу, служба в армии не была обычным делом, но и выдающегося в ней ничего не было. Обстоятельства могут сложиться по-разному, да и закидоны никто не отменял. Закидоны – особенно.

Майкл свое вступление в армию прихотью не считал, он шел к цели, которую поставил перед собой с детства. Но родители все равно полагали, что он мог бы выбрать другую жизнь. И сослуживцы тоже. Только сослуживцы выражали свое мнение куда более откровенно.

Понятно почему. Когда у тебя есть возможность выбора, а ты выбираешь явное не то, люди, которым выбирать не приходится, ничего хорошего о тебе не подумают.

Отношения сложились не сразу. Однако общение с Занозой даром не прошло, и Майклу довольно быстро удалось стать в госпитале своим, а над его планами после армии и университета поступить в Кус-Бей продолжали подтрунивать уже беззлобно. В университет после армии собирался не он один, и все – по льготам для военнослужащих. То, что у Майкла была семья, способная оплатить обучение, перестало играть роль, когда у него не осталось недоброжелателей среди сослуживцев.

Ну, а Ларкин им заинтересовался, в первую очередь как потенциальным источником денег. Опосредованным источником. Майкл мог попробовать привлечь отца к исследованиям в области гематологии. Раз уж с производством оружия покончено и выбор сделан в пользу космоса, можно вспомнить о том, что космические исследования давно идут рука об руку с медицинскими. А средства на них нужны всем, даже крупнейшим лабораториям, даже ученым с мировым именем. Если в кого и вкладывать, так в лучших. Ларкин как раз и был одним из лучших. И нуждался в деньгах, потому что на бесплатных чудесах много не заработаешь, а он на Ближнем Востоке именно бесплатные чудеса и совершал. И на хирургических операциях не заработаешь, если у тебя нет лицензии, даже на операциях с гарантией исцеления. Зарабатывать хирургией Ларкин и не пытался. Так же, как и получить лицензию. Кто б ее дал? На каких основаниях?

Так что доктор гематологии в свободное от науки время занимался чистой благотворительностью. Не бедствовал, конечно, у него одних патентов было с полсотни, и все приносили доход, но и позволить себе мог не все, в чем нуждались его лаборатории в Риме.

Майкл прекрасно понимал, какую роль отводит ему Ларкин в своих планах, и был не против. Доктор ему не нравился – он мало кому нравился – но вызывал странное почтение. Хотя, можно ли называть странным чувство, которое испытывают все вокруг? Оно, наверное, уже может считать-

ся нормальным. Ларкин всем казался демоном, ангелом или святым. Не из-за того даже, что спасал тех, кого спасти было невозможно, а из-за полного пренебрежения ко всем остальным. Правила поведения, вежливость, тактичность хоть какая-нибудь, хоть зачаточная – он обо всем этом понятия не имел. А вместо того, чтоб регулярно получать по морде – благо, был совсем не старик, и в такой форме, что впору его иным солдатам в пример приводить – встречал со всех сторон лишь безгласное смирение. Как будто у него было право вести себя именно так.

Право, конечно, было, он, в конце концов, людей с того света возвращал. Но не все же, кому он хамил, об этом знали.

По-настоящему странным оказалось выяснить, что Ларкин о своих неприятных особенностях прекрасно осведомлен, и никогда не общается с инвесторами без посредников. А из Майкла посредник вышел бы отменный. До Занозы ему было пока далеко, но он работал над собой и результаты обнадеживали. К тому же, деньги ему предстояло просить у отца. И не в виде благотворительности, а в виде инвестиций. И не сию секунду, а после или в процессе обучения в медицинской школе. И не где-нибудь, а в университете Висконсина...

Вот на этом этапе нужно было связываться с Занозой и рассказывать обо всем. Потому что Ларкин уже к третьей встрече умудрился полностью изменить планы Майкла на ближайшее будущее, выбрал для него университет, выбрал медицинскую школу и определил резидентуру. Академии в

Кус-Бей все перечисленное не отменяло, наоборот, карьеру в ФБР и, в дальнейшем – в «Турецкой крепости» Ларкин принимал и одобрял. В этом – в отношении к тому, что ты можешь делать и, значит, должен делать, Майкл узнавал себя. Спасать умирающих или освобождать заложников, бороться со смертью или с мировым терроризмом... «Крепость» еще и поиском пропавших без вести занималась с неизменным успехом, опровергающим любую статистику и не поддающимся приемлемым в обществе объяснениям.

В общем, служить и защищать. Наилучшим способом.

Нужно было связываться с Занозой. Но Ларкин сказал, что у Майкла есть... талант. Тот же самый, что у пятерых других его учеников и, возможно, на всю планету их таких было всего шестеро. Талант нуждался в развитии, а потом – в огранке, а пока был лишь намеком на себя, зародышем зародыша. Рассказать Занозе о Ларкине и не сказать о собственных паранормальных способностях Майкл не мог. И сказать не мог, пока не был уверен в том, что сможет их использовать.

Вот он и молчал. Точнее, рассказывал обо всем, кроме Ларкина. Пил зелья, стимулирующие выработку необходимых гормонов. Штудировал учебники, чтобы к моменту поступления в университет как можно больше предметов сдать сразу на уровне диплома. Примерял на себя работу врача. Знал, что быть аналитиком, искать информацию, которую невозможно найти; понимать то, что нельзя понять, нравит-

ся ему больше, чем лечить людей. Но знал также, что если у него, действительно есть талант к паранормальной хирургии, его долг – стать хирургом. Аналитик в «Турецкой крепости» был, и еще какой, а врача с настоящим медицинским образованием ни одного не было.

* * *

В конце января госпиталь получил приказ о передислокации в Дамаск. Их отводили из района боевых действий. Модули и оборудование нуждались в ремонте посерьезнее текущего, сотрудники госпиталя тоже нуждались в ремонте посерьезнее двух виски перед сном. Майкл не пил, вместо этого он учился у Ларкина специфическому медицинскому цинизму. С переменным успехом. Ремонт и ему очень не помещал бы. Гормональные зелья творили чудеса в том, что касалось физической формы, но психику не чинили.

А им обещали отдых и даже, возможно, отпуска. Всего-то нужно было добраться до Дамаска.

И по пути туда колонна попала в засаду.

Первый в жизни настоящий бой оказался... Ну, да. Последним. Майкл сразу это понял. Вообще много чего понял и успел подумать, когда вытаскивал водителя из горящего «хамви», когда искал укрытие от пуль, когда отстреливался. Наугад. Потому что стрелять было не по кому. Дроны-наводчики, огневые точки, размещенные где-то в скалах, за пределами видимости, мины на дороге, осколочные снаряды в

воздухе. Майкл столько раз пытался представить, как поведет себя, если окажется в бою! Он боялся растеряться. Еще сильнее боялся испугаться. А когда дошло до дела, как-то очень быстро сориентировался и понял, что надежды нет. Их колонна, вся целиком, включая авангардную заставу, оказалась в зоне сплошного поражения. А засада была организована не для того, чтобы захватить заложников, автомобили или дорогое госпитальное оборудование. Их просто собирались уничтожить.

Так это и называлось: засада по уничтожению сил противника, боевой техники и материально-технического обеспечения.

И их уничтожили.

* * *

Помнить свою смерть – это же очень странно, так? И абсолютно неправильно. Помнить свою смерть невозможно. Воспоминания о ней означают, что смерть – не конец. Но смерть – это смерть. После нее нет никакого «после». Майкл думал о том, как странно, что он не находит ничего странного в том, что помнит, как погиб. Помнит боль от разрывающих тело осколков, помнит темноту, тишину и... ничто. Абсолютный покой без мыслей и чувств, без ощущения себя.

Сейчас он себя ощущал, и мог сказать, что там было хорошо. Но тогда – там – не чувствовал даже этого. Тоже странно, если подумать. Помнить о том, чего нет.

– Тебе не больно, – в поле зрения появилось лицо Ларкина. – Боль придумывает наш мозг, и он может вместо нее придумать что угодно, любые другие ощущения или их отсутствие. Что бы я сейчас ни делал, тебе не будет от этого больно.

Майкл почувствовал прилив бесконечной благодарности и бесконечной любви к этому всемогущему итальянцу. Подумать только, и он считал Ларкина неприятным типом! Да ведь лучше него никого нет на всем свете. И дело не в том, что Ларкин спас ему жизнь... Что за чертовщина? Майкл помнил, как умер. Ларкин не спас ему жизнь, Ларкин воскресил его. Этого быть, конечно, не могло. Он потерял сознание, а итальянский доктор совершил свое обычное чудо и исцелил смертельные раны. Именно так все и было, но почему-то сейчас Майкл не мог в это поверить. Он знал, что умер и воскрес.

Знание и вера поменялись местами.

– Тебя будут искать, – продолжал Ларкин на итальянском, – будут искать, как никого другого. Будут искать те, кто найдет кого угодно. Они всегда находят. Если не среди живых, так среди мертвых. Поэтому мы должны дать им тебя. Чтобы они прекратили поиски. Хорошо, что ты не знаешь итальянского.

Майкл знал итальянский. Языки давались ему легко, и кроме испанского, очень желательного для полноценной работы в полиции и в ФБР, и необходимого для работы в Ка-

лифорнии, он выучил итальянский и французский, немецкий, польский, подступился к нидерландскому, но сломался на произношении. Читать и писать, впрочем, научился. Кто освоил немецкую грамматику, справится с любой другой...

Но Ларкин сказал: «хорошо, что ты не знаешь итальянского». Майкл очень хотел, чтобы всё было так, как хочет Ларкин. Если тому было хорошо от того, что он не знает итальянского, значит, не надо признаваться в знании языка. Майкл не хотел огорчать своего спасителя ничем и никогда.

Ларкин вынимал из него что-то... не осколки, не пули. Какие-то части самого Майкла. Внутренние органы. Знание анатомии и смутные – абсолютно безболезненные, скорее даже приятные ощущения, вроде легкой щекотки, – позволяли предположить, какие именно. Фрагменты кишечника. Печень. Почки. Селезенка... Ларкин не останавливался. Он, похоже, задался целью выпотрошить Майкла целиком. С каждым вынутым кусочком проделывал какие-то шаманские манипуляции. Это, наверное, и была паранормальная хирургия, та самая, которой Майклу только предстояло научиться.

– Ты полгода пил мою кровь, – говорил Ларкин на итальянском, – тебе их пули, осколки, мины, всё их жалкое оружие – пустяк, ерунда, царапины. Пришлось постараться, чтобы ты потерял сознание. Важно было соблюсти золотую середину: причинить достаточно повреждений, чтобы не выдержало даже твое обновленное тело, и при этом не дать тебе умереть от ран. Потому что, видишь ли, убить тебя должен

был я. Это необходимое условие для афата.

«Афат» было незнакомым словом, не итальянским. Майкл чуть было не спросил, что это, но сообразил, что выдаст этим свое знание языка и огорчит Ларкина.

– А сейчас мы должны оставить здесь все, что тебе больше не понадобится. Перемешать с останками других погибших. Чтоб тебя не сочли пропавшим без вести и не стали искать. Но сначала нужно убрать из твоих частей все следы моей крови. До рассвета мы успеем, не беспокойся. А изъятые органы скоро регенерируют. Двое-трое суток... Очень глупо, – Ларкин пожал плечами, – они тебе не нужны, однако кровь на их регенерацию все равно расходуется. Впрочем, это не первоочередная проблема в моих исследованиях. Может быть, ею займешься ты, а может быть, найдешь для себя что-нибудь более интересное. Главное, Микель, что ты теперь мой. И ты поможешь мне спасти своего могущественного родича. У него в последние лет двадцать серьезные неприятности, а он об этом даже не знает.

ГЛАВА 4

Не быть виноватым в том, чего не исправить несколько не лучше, чем винить себя без вины. Сложно. И объяснить сложно. Заноза знал, что боевики, напавшие на госпиталь, получили оружие с его помощью. Он был очень далек от непосредственных процессов нелегальной торговли: заключения сделок, погрузки, перевозки, пересечения границ, но

именно он обеспечивал бесперебойную работу основных частей этой схемы. Считалось, что за этим стоят разные люди, считалось, что он – разные люди, много разных людей, но... да какая, на хрен, разница? Его вины в гибели Майкла было не больше, чем у тех, кто создал уничтожившие госпиталь снаряды, кто собрал минометы и гранатометы, или оснастил камерами дроны-наводчики.

Но и не меньше.

Проследить пути от продавцов к покупателям было несложно. Оружие не безымянно, продавцы и покупатели – тем более. В тот день, когда в поместье Атли хоронили пустой гроб, накрытый звездно-полосатым флагом, в одном из михрабов мечети Омейядов кто-то оставил пятнадцать контейнеров для перевозки органов. В контейнерах были головы боевиков, участвовавших в нападении на госпиталь. В зубах у каждой головы – записка с именем. В зубах же у командира – короткое, но полное глубочайшего раскаяния послание с извинениями перед людьми и Аллахом. «Созданный, чтобы быть человеком, я стал зверем, – цитировали СМИ, – и за это нет мне прощения».

– В мире много добрых людей, – сказал Хасан.

Добрые люди наказали злых людей. В мире Турка это было обычным делом. Причудливая как голландское кружево схема взаимных обязательств, услуг, договоренностей и расположения, связывала Хасана со множеством добрых людей по всей планете.

Турок не мстил за смерть Майкла, он и не знал его толком. Заноза знал и успел привязаться, но Заноза бы привез головы боевиков в дом Атли. Оставил бы где-нибудь на широких перилах парадного крыльца. Мозга-то нет, одна только злость, а от злости всегда делаешь что-нибудь не то. Не тогда, когда убиваешь, когда убиваешь всё как раз правильно, а потом, когда уже убил, а все еще злишься.

В общем, хорошо, что Заноза отомстить не успел, а Хасан не мстил вообще. Хорошие люди, которые были чем-то ему обязаны, тоже не мстили. Они осуществили правосудие. Наказали не за убийство одного американского мальчика, а за нападение на врачей. На машины, отмеченные красным крестом. Вряд ли хоть кто-нибудь из этих добрых людей слышал слова «международное гуманитарное право», их и Хасан-то когда слышал, лишь пожимал плечами, но действовали они полностью в рамках этого права.

И не то, чтобы отрезание голов за его нарушение декларировалось официально, но ни Красный крест, ни духовенство, ни даже сетевая бурлящая масса, где на одного вменяемого приходилось трое полоумных, не выказали недовольства тем, что в деле нападения на госпиталь было поставлено аж пятнадцать негуманных точек.

Если бы это была месть, легче не стало бы. А так... легче не стало, но и не должно было, и от этого становилось как-то... как-то так, будто это нормально, что убил тех людей не сам. Будто так и должно быть. Потому что хорошие люди

убили их более правильно.

Атли звали на похороны и отказаться было нельзя, и приехать днем было нельзя. Прилетели вечером, когда церемония уже закончилась.

Это был третий день после смерти Майкла. Всё не по правилам. Мусульман хоронят в день смерти до заката, без гроба, в одном саване, и только на мусульманском кладбище. Но от Майкла не осталось ничего... ничего сверх того, что позволило экспертам сделать заключение, что он точно был среди погибших. И экспертиза продолжалась куда дольше чем до заката. Да и Майкл был атеистом, так что хоронить его на мусульманском кладбище значило проявить неуважение и к нему, и к религии. Поэтому – пустой гроб, могила в заснеженном парке под голым кряжистым деревом, на ветках которого разместился резной домишко.

Майкл был последним из детей, кто играл в нем. Самый младший в семье.

– Он должен был унаследовать дело, – говорил Дэвид, – у нас так заведено... – взгляд на Хасана, будто он хранитель традиций или жрец или еще кто-то значимый, кто может подтвердить, что да, так заведено, так всегда было и всегда будет.

Хасан молча кивнул. Подтвердил. Так было и так будет.

Заноза слышал, что это тюркский обычай. Понять, что традиции современной американской капиталистической семьи уходят корнями в глухое среднеазиатское Средневеко-

вье, оказалось куда более приемлемым, чем думать про пустой гроб в холодной земле, во вьюжной темноте февральской ночи.

Если бы не они, Майкл, может, и не пошел бы служить.

А если бы он погиб в каком-нибудь из рейдов «Турецкой крепости» было бы лучше?

Что точно было бы лучше – это не задавать себе таких вопросов. Никогда. Слишком велика опасность найти ответ.

* * *

Могущественным родичем был мистер Намик-Карасар. А проблемой – Заноза. Неожиданно. Но любые неожиданности меркли перед реальностью сверхъестественного. Меркли. Становились приемлемыми до полной обыденности. И все же не настолько обыденными, чтобы принять их без тени сомнений.

Теперь Майкл понимал, как Ларкин узнал о его планах на будущее, о «Турецкой крепости», о том, что он родственник мистера Намик-Карасара. Ларкин умел видеть чужие мечты и страхи. Видеть потаенное, даже то, чего объект его интереса сам о себе не знал. Ну, а Майкл точно знал, о чем мечтает. Прочсть его оказалось проще простого. Узнать и о нем, и о Занозе, и о мистере Намик-Карасаре. Получалось, он их подвел. Но получалось также, что это был первый шаг к избавлению мистера Намик-Карасара от очень серьезных неприятностей. От Занозы, да. Тот полностью контролиро-

вал мистера Намик-Карасара, сосредоточив, таким образом, в единоличном распоряжении силу и возможности, превосходящие предел дозволенного. Пока мистер Намик-Карасар, который, собственно, и был этой силой и возможностями, действовал по собственному выбору и разумению, это предел дозволенного не превосходило, потому что мистер Намик-Карасар был единственным, кто мог устанавливать границы. Но когда он оказался в руках Занозы, правила изменились, потому что Заноза был кровожадным психом с манией величия и непомерными амбициями.

Это очень походило на правду, но совершенно не походило на Занозу.

Противоречие. Парадокс. Майкл пытался балансировать на границе между двумя правдами или неправдами. Устоять на грани между правдой и ложью было бы куда проще, и он отчаянно пытался понять, где одно, а где другое. Ларкин привел ему факты – сразу это сделал, с самого начала обучения устроил экскурс в новейшую историю вампиров, предоставив Майклу самому найти подтверждения и совпадения в истории людей. Уничтожение лондонского истеблишмента в 1899-м, массовые убийства в Техасе в 1911-м – 1913-м, массовые убийства в Чикаго в 1931-м; в 1994-м – теракт в Лондоне, стерший с лица земли целый квартал в центре города. Там, к счастью, обошлось малой кровью – силовики оказались готовы и вовремя эвакуировали всех гражданских. А полгода спустя, весной 1995-го – стремительное,

завершившееся за несколько суток, изменение расклада сил среди банд Лос-Анджелеса. Событие, вроде бы, не стоящее внимания по сравнению с бунтом чернокожих и латиносов тремя годами раньше, но любой, кто умел искать факты и правильно их понимать, увидел бы, что последствия этого передела власти оказались куда значительнее для города и всего штата, чем все, что было накручено вокруг истории Родни Кинга.

Сведения насчет переворота в Париже весной 2006-го Майкл проверить не мог, человеческая история ничего такого, конечно, не зафиксировала, но информация о пожаре, уничтожившем крупнейшую во Франции частную библиотеку, подтвердилась по первому же запросу. Библиотека сгорела, ее владелец, Блан Бризон, пропал без вести той же ночью. Предполагалось, что он погиб в пожаре, но найти останки не удалось. По словам Ларкина, Блан Бризон был тийрмастером Парижа... то есть, Бризонтира, и Заноза сжег его вместе с библиотекой в результате каких-то личных разногласий.

Заноза не очень любил книги, это Майкл знал. Ларкин говорил правду, это Майкл тоже знал. То, что делал Заноза не имело смысла. Смены правителей тийров не приносили ему никакой выгоды, всего лишь заменяли одних врагов на других. Кровь ради крови, разрушение ради разрушения. Кровожадный псих, могущественный и вдвойне опасный из-за своей непредсказуемости. Все равно что маньяк-убийца, которого невозможно поймать, потому что невозможно по-

нять, что им движет.

И снова это очень походило на правду, но совершенно не походило на Занозу. Факты общеизвестные противоречили фактам, известным только Майклу. Но и те, и другие были верны.

Добро пожаловать в сверхъестественный мир! Реальность стала необъяснимой, и другой теперь не будет.

Заноза всему и всегда искал объяснения. Он бы не счел необъяснимость сверхъестественного достаточным аргументом, чтобы перестать искать. Заноза был очень плохим примером – он делал очень плохие вещи, к тому же совершенно бессмысленные. Он был опасен. Ларкин хотел, чтобы Майкл уничтожил его, освободил от него мистера Намик-Карасара и, возможно, спас существующий порядок вещей.

Для Ларкина Майкл готов был сделать что угодно. Готов был убить не только Занозу, а вообще любого. В родной дом вернулся бы, не задумываясь, и сжег там всех.

Не задумываясь.

Но Ларкин хотел, чтобы он понимал, что делает.

Есть в сверхъестественном мире такое явление, как связь между ратуном и най. Связь, образующаяся, когда мертвец выпивает из живого всю кровь до капли и отдаёт взамен свою. От смерти этот обмен не спасает – кровь в желудочно-кишечном тракте не может заменить опустошенные вены и артерии, и даже напившись крови вампира, жертва умирает, как и положено природой. Однако дальше законы приро-

ды теряют силу, и на свет является новый вампир. Кровь ратуна – его новая жизнь, и он любит ратуна так, как только можно любить то, чего дороже нет. Ведь что может быть дороже жизни?

Ничего.

Ничего – для тех, кем движут только инстинкты. А мыслящее существо оценивает жизнь в сравнении со множеством вещей и явлений. Инстинкты Майкла требовали любить Ларкина, и он любил, слушался, самозабвенно учился быть полноценным вампиром, радовался похвалам, расстраивался, если Ларкин был им недоволен. А тот, в свою очередь, считал, что Майкл приложит больше стараний, больше усилий, если будет действовать с полным пониманием и своей задачи, и всех обстоятельств, делающих решение задачи необходимым и обязательным.

Подход правильный. Когда понимаешь, что и почему должен сделать, действуешь гораздо лучше, чем вслепую. При одном условии: нужно согласиться с тем, что ты действительно должен сделать то, чего от тебя хотят.

Майкл был согласен сделать всё. Но не мог согласиться с тем, что это его долг. А чем больше узнавал о мире, который должен спасти, о преступлениях Занозы, о могуществе мистера Намик-Карасара, тем меньше верил в то, что Занозу действительно нужно убивать, мистера Намик-Карасара – освобождать, а мир – спасать. Мир спасать было не от чего, и этот вывод аннулировал два предыдущих пункта.

Даже оставляя в стороне факты (с фактами-то как раз было сложно, потому что, противоречащие друг-другу, сами по себе они оставались верны) просто следуя интуиции и некоему обобщенному представлению о правильном и неправильном, получалось, что мир спасти не от чего.

Мистер Намик-Карасар был по словам Ларкина (и по легендам обитателей сверхъестественного) воплощением справедливости. Он мог поступать хорошо, мог поступать плохо, мог поступать ужасно, но не мог быть не прав. Это был то ли подарок ему от фей, то ли свойство характера, за которое феи дали ему много разных других подарков – тут легенды не сходились, да не так это было и важно. Важно было то, что Ларкин хотел спасти мир и поступил ради этого неправильно – организовал засаду на госпиталь. Люди, чьими руками он это сделал, уже были наказаны. Майкл знал, что мистер Намик-Карасар не имел отношения к убийству полутора десятков сирийских боевиков. Майкл был уверен, что мистер Намик-Карасар имел к этому самое непосредственное отношение. Так же, как и в том, что Ларкину тоже предстояло понести наказание.

Мистер Намик-Карасар не мог быть не прав. Значит, не прав был Ларкин.

Майклу многое предстояло сделать, но у него, если повезет, была целая вечность, чтобы сделать все, что задумано. А вот на то, чтобы спасти ратуна времени почти не осталось. И вместо того, чтобы планировать операцию по убийству За-

нозы, Майкл все силы бросил на планирование операции по спасению Ларкина.

Если бы не просьба ратуна ни при каких обстоятельствах не выдавать себя, всеми силами скрывать возвращение из мертвых, Майкл нашел бы способ связаться с Занозой так, чтобы это не расстроило Ларкина и осталось тайной для пятерых других най. Они, все пятеро, действительно имели докторские степени. Докторами медицины, правда, оказались только двое: Эррико Фуччо и Хесс Хибо, неизменно сопровождавшие Ларкина в поездках в «горячие точки». Райя Крэг была историком, специалистом по шумеро-акадской мифологии; Мэйсон Чесней – структуральным лингвистом, в качестве хобби изучающим теорию нарративов; а Мауро Рагхаван – математиком. С ним Майкл сошелся ближе всех на почве интереса к прикладной математике применительно к работе поисковых и экспертных систем.

Мауро был единственным членом семьи, кто мог поймать его на попытках спасти Ларкина. И единственным, кто мог помочь. Надо было не попасться и при этом использовать его мастерство и знания, что добавляло в жизнь, и так-то напряженную, дополнительную остроту. Этакую индийскую перчинку. Впрочем, от всего, кроме математики и компьютеров Мауро был настолько далек, что Майкл, наверное, мог бы при нем вслух рассуждать о своих сомнениях и чаяниях, о задаче, поставленной Ларкином, и о невозможности ее вы-

полнения, а благодушный индус счел бы это лишь сложно сформулированным поисковым запросом.

Он, однако, не скрывал, что время от времени проверяет, где именно Майкл побывал в сети, что искал и что смог найти. А Майкл скрывал, что сразу, с первой ночи, как получил в свое распоряжение ноутбук, написал скрипт, корректирующий историю браузера. Скрипт удалял из логов адреса всех ресурсов, посещение которых могло расстроить Ларкина – Мауро ведь обязательно рассказал бы о них – и пропорционально увеличивал время пребывания на ресурсах, посещение которых Ларкин одобрял и даже рекомендовал.

Майкл искал способы противостояния колдовству Ларкина. Своему колдовству. Вспоминал, как три... уже четыре года назад начал искать первые следы подлинной информации о паранормах. Тогда это казалось странным. Тогда он сам себе казался странным. До первых результатов, до первых документальных подтверждений того, что люди с паранормальными способностями действительно существуют, он боялся, что станет таким же психом, как те, кто верит в заговор властей, прибегающих к помощи паранормов, но скрывающих их существование.

Оказалось, что и заговор есть, и паранормы, и сотрудничество паранормов с властями, но все равно, даже имея доказательства, даже зная, что в той же «Турецкой крепости» работали люди со сверхчеловеческими способностями, Майкл сомневался в здравости своего рассудка, пока не встретил

Ларкина.

И что оказалось? Оказалось, что Ларкин никакой не паранорм, а самый настоящий вампир. Оказалось, что паранормальные способности у людей есть, но они – исключение из правил, явление настолько редкое, что им можно пренебречь и считать несуществующим, зато способности сверхъестественные – дело самое обычное. На Земле одних только вампиров обитало около пятисот тысяч, и примерно столько же было разных других волшебных созданий, вроде оборотней, русалок, призраков, колдунов, вурдалаков, тех, кто был одержим демонами или маниту и прочая, и прочая. И это только те, кто когда-то был или до сих пор оставался людьми. В мир духов, в подлинный мир подлинного волшебства Майкл пока даже краем глаза не заглядывал.

Ларкин велел ему держаться подальше от фей до тех пор, пока с Занозой не будет покончено, и Майкл отложил знакомство с дивным народом на будущее.

Сейчас он искал достоверную информацию о колдовстве вампиров и чувствовал себя так, будто занимается самыми обыденными вещами. Ничего в его поисках не противоречило реальности, данной в ощущения и ощущаемой самым непосредственным образом. Не хватало возможности выйти из дома, самому поехать по архивам, поговорить с людьми, полистать неоцифрованные газетные подшивки. Но тут Ларкин оставался непреклонен – Майклу нельзя было знать, где он находится, чтобы случайно не выдать расположение убе-

жища.

– Повзрослеешь, съедешь от меня, обзаведешься своим домом, и болтай о нем с кем угодно и сколько угодно. Но о том, где ты сейчас, тебе не надо знать до тех пор, пока дело не будет закончено.

Майкл безвылазно сидел в четырех стенах, но почему-то не уставал от этого.

Формулировка «почему-то» была плохой – привет от Занозы – он размышлял над ней и над тем, почему желание выйти наружу, да ладно, наружу, желание хотя бы в окно какое-нибудь посмотреть, не становится непреодолимым. Нет, правда, ни в его апартаментах, ни во всем большом доме, населенном шестерыми вампирами и четырьмя Слугами не было даже окон, одни только фрески на стенах и потолке да красивый узорчатый паркет. Рехнуться же можно. Но получилось, что фресок достаточно, нарисованное небо прекрасно заменяет настоящее, а дел так много, что гулять-то все равно некогда.

По размышлении Майкл понял, что дело снова в Ларкине, то есть, в связывающих их кровавых узах, обусловленной узами любви и обусловленном любовью желанием делать всё, что хочет ратун. Ларкин хотел, чтобы Майкл до поры до времени не покидал дом, и Майкл хотел того же.

Ну, что ж, одной из целей поиска, который он вел в сети, был способ избавиться от уз. Не для того, чтобы перестать любить ратуна – о таком Майкл и не помышлял, он доро-

жил своим сильным, прекрасным и всепоглощающим чувством, и ни за что не хотел бы утратить эту любовь – а для того, чтобы освободиться от запретов и дать знать о себе. Для того, чтобы иметь возможность поговорить с Занозой и мистером Намик-Карасаром. Чтобы спасти Ларкина. Ну, и, потом, ратун сам говорил – и доказывал всеми поступками – что ему нужно от Майкла полное понимание, без которого невозможно полное и осознанное содействие. А пока их души связывает кровь, связывает, как ни посмотри, насильно, понимание не может быть полным. Связь мешает взвешенности оценок, разумности суждений и логичности выводов. Ларкин винил Занозу в том, что тот помрачил разум и подчинил душу мистера Намик-Карасара, Ларкин ненавидел дайны власти, но не мог понять, что связь на крови сродни этим дайнам и делает то же самое с разумом и душой Майкла.

Обычное дело, хоть для людей, хоть для вампиров – видеть соринку в чужом глазу и не замечать бревна в собственном.

Сверхъестественные способности вместо паранормальных, посмертие вместо жизни, спасение вместо мести – Майкл не удивлялся легкости, с которой принял новые правила игры. Они же не были новыми, он просто не знал о них. Теперь узнал.

Ларкин заходил и с этой стороны тоже, мол, Заноза-то

всегда знал о том, что реальность – не то, чем кажется, но скрывал это от Майкла столь тщательно, что развеял даже детские иллюзии о возможности существования волшебства. Майкл от этих иллюзий избавился лет в пять, без них было интереснее – больше вопросов, яснее ответы. А Заноза соблюдал правила безопасности. А Ларкин лгал. Лгал, что спас от смерти. А ведь сам же и убил. Майкл любил Ларкина, но погибших друзей было мучительно жаль.

Новая жизнь ему нравилась. Ложь – нет.

Афат не научил его исцелять раненых, эти дайны ему не достались. И хорошо. Потому что Ларкин, как оказалось, получил их не в подарок от фей, как нормальные вампиры, Ларкин получил их в наказание. Что же за несчастливое создание его ратун!

Майкл думал об этом с улыбкой, но Ларкина все-таки жалел. Многие люди, стремясь к благим целям, совершают ошибки и портят себе всю жизнь. Ларкину и тут не повезло, он не просто загубил свою жизнь – жизнь конечна, а вместе с ней заканчиваются и неприятности – Ларкин испортил себе вечность. И даже не мог утешиться тем, что сделал это из лучших побуждений, потому что двигали им жадность, тщеславие и стремление к бессмертию. Майкл размышлял, было ли стремление к бессмертию страхом перед смертью и пришел к выводу, что нет. Страх Ларкин не знал. Для того, что он сделал требовалось немалое мужество.

Когда-то давно – в самом начале восемнадцатого века –

он принудил вампира к афату.

Времена тогда были удивительные, люди тоже. Дикий мир поймал попутный ветер и под всеми парусами устремился к цивилизованности, культуре и гуманизму, даже близко не похожим на современные, и все же, ставшие началом современного общества. Европейского и американского, разумеется, на остальной планете дела обстояли... по-разному. Где-то паруса еще только готовились расправить, где-то медленно оснащали ими мачты, а где-то наоборот всеми силами избегали ветра, чтобы не снесло из дикости в какую-нибудь цивилизацию. Ларкин был цивилизованным европейцем, был ученым и не был материалистом. Что очень странно для современного ученого, но в восемнадцатом веке считалось обычным делом. Ларкин предпочитал эмпирический подход к исследованиям, что очень странно для современного мистика, но в восемнадцатом веке считалось обычным делом. Ларкин эмпирически изучил возможности вампира, что очень странно для цивилизованного европейца, но в восемнадцатом веке... тогда с живыми-то людьми страшные вещи делали, наркоз же еще не изобрели, а мертвых вообще не жалели.

В общем, когда результаты исследований привели Ларкина к идее самому стать вампиром, вампир хотел уже только одного – чтобы его перестали исследовать. Он молодой был, слабый, одинокий, некому было за него заступиться, кроме фей. А феи тоже со странностями. Вампира они не спасли,

зато Ларкина прокляли. Дали ему целительские дайны, без которых он не мог пользоваться остальными. Ни колдовать, ни в душах читать, ни сны насылать, ни даже просто существовать. Хочешь быть вампиром – изволь быть хирургом. Перестанешь лечить раненых – потеряешь все дайны, кроме целительских, зачахнешь и рассыплешься в прах. Печальная эта история давала ответ еще на один вопрос, которым Майкл задавался со дня собственной смерти: как врач-чудотворец, вылечивший стольких людей, мог расчетливо и хладнокровно убить своих коллег? Очень простой оказался ответ. Добровольно Ларкин никого бы лечить не стал, врачей коллегами не считал, человеческие жизни ни во что не ставил, и в уничтожении госпиталя был по большому счету не виноват. Майкл был виноват, и никто больше. Если б он не понадобился Ларкину, все остались бы живы.

Люби Майкл ратуна хоть немного меньше, он бы оставил мысли о его спасении.

На Эррико и Хесс, которым тоже достались целительские дайны, условие не распространялось. Их фейри не наказали, а одарили. Майклу, получи он дар целительства, тоже ничего не грозило. Но фейри решили дать ему в подарок талант к колдовству. Видимо, за то, что в детстве он не верил в Санту.

То, что в мусульманской мифологии не было места для Санта-Клауса, не являлось достаточным оправданием – феи тяготели к мультикультурности и того же ожидали от остальных. Если для повышения толерантности атеист должен

стать верующим, материалист – идеалистом, а рационалист – колдуном, так тому и быть. И Майкл стал колдуном. Заодно и в Санту поверил...

Сам он, кстати, если бы оставался живым, счел бы свои способности паранормальными, но не сверхъестественными. Превращение в вампира и сам факт существования вампиров – вот это была подлинная магия, а доставшиеся ему в дар пирокинез и кое-какие ментальные дисциплины Майкл таковой не считал. Однако из объяснений Ларкина следовало, что силу для своих даинов он черпает извне. Не пирокинез, а управление стихией огня. Не телепатия, а озарения. Не экстрасенсорные возможности, а колдовство.

Не путать с чародейством. Чародейство необъяснимо и не поддается изучению. С чародейством всё было так же сложно, как с фейри. Чародеями были Заноза и мистер Намик-Карасар. Не только они, разумеется, но именно они интересовали Ларкина в первую очередь.

Настоящей колдуньей – ее способности точно относились к сверхъестественным – была Райя. В миру – доктор Крэг. Райя умела создавать заклинания и големов. Да. Заклинания и големов. С заклинаниями было сложно из-за отсутствия проработанного научного подхода. Райя пользовалась методом проб и ошибок, как ученые до середины двадцатого века; жаловалась на то, что за тысячи лет существования вампиры так и не удосужились создать единую базу знаний о за-

клинаниях и древних языках, и, если бы не прямой запрет Ларкина, давно выложила бы в общий доступ собственные разработки.

Ларкин правильно делал, что запрещал Райе делиться знаниями. Другие вампиры-заклинатели (их на Земле по пальцам можно было пересчитать) тоже правильно делали, что держали накопленный опыт при себе. Когда у тебя впереди вечность, метод проб и ошибок вполне подходит для научной работы. А желание поделиться открытиями можно и усмирить, если хочешь, чтобы впереди по-прежнему была вечность. Майкл это понимал, а Райя всего лишь неохотно принимала на веру. Она была из тех редких вампиров – еще более редких, чем заклинатели – кто думал, что между мертвыми возможен обмен знаниями и умениями на пользу друг другу. Большинство же мертвецов считало, что знания и умения в первую очередь нужно применять друг другу во вред. Это был встроенный в психологию каждого вампира контроллер популяции, необходимый для бессмертных, способных к неограниченному размножению.

Големы – один из успешных проектов Райи – обеспечивали защиту семьи от применяемых во вред знаний и умений других вампиров. У Майкла они вызывали оторопь. Он их не боялся, было бы странно бояться роботов, но понять не мог. Как несколько слов могут превратить кубический метр глины в копию человека с зачатками искусственного интеллекта? Големов даже программировать не надо было – их модус

операнди закладывался тем же заклинанием, которое формировало тела. Если бы Райя была единственной, кто умел их создавать, Майкл бы, наверное, смирился и перестал думать о том, как это у нее получается. Но она утверждала, что воспользоваться заклинанием может любой, главное произнести его правильно, а Мэйсон это доказал. Лингвист, он что угодно мог правильно произнести. На глазах у Майкла он заклинанием поднял голема из ванны с жидкой глиной, другим заклинанием превратил обратно в жидкую глину, а Райя, довольная произведенным эффектом, предложила Майклу попробовать самому.

Голема не получилось, потому что не в силах среднестатистического американца турецкого происхождения выговорить подряд несколько согласных, щелкая при этом языком, да еще на вдохе, а не на выдохе, но попытки сформироваться во что-нибудь глина, все же, сделала. Забурлила, начала подниматься над ванной, обретать очертания... непонятно, правда, очертания чего, но, тем не менее, эффект был очевиден.

И осела с разочарованным хлопаньем, когда Майкл сбился, запутавшись в слогах.

– А если ошибешься на этапе программирования? – поинтересовался он. – Может получится голем, не выполняющий приказы?

– Заклинание и есть программа, – Райя, похоже, слышала этот вопрос гораздо чаще, чем «Удивительно! Как тебе это

удаётся?!» – ты либо произнесешь все звуки правильно и создашь голема, либо ошибешься и не создашь ничего. Ты можешь изменить заклинание и поднимать големов не из глины, а из металла или из дерева, но ты не сможешь создать голема, для которого не будешь создателем.

– То есть, он, в любом случае, будет мне подчиняться? – перевел Майкл.

– Да. Если только ты не найдешь способ вложить в него душу, а с ней – свободу воли.

Это было под силу только Богу. В Бога Майкл поверил тогда же, когда поверил в вампиров. Правда, поверил он не в Бога Писания, не в Бога Книги, а в первичность идеи перед материей, но для закоренелого материалиста и это было прорывом.

Первичность идеи, первичность замысла, означала, что в существовании всего – вообще всего, не только личностей, есть смысл. Еще это означало, что существует некая высшая справедливость. Опять же, распространяющаяся не только на личности. Из-за того, что личности могли видеть лишь малую толику этой справедливости и еще меньшую – смысла, замысел оставался непостижимым. Для его постижения нужно было сравняться с Творцом, если не в способностях, то хотя бы в умении видеть перспективы. Чем не цель существования, когда его больше не ограничивает смерть? Соблюдай правила техники безопасности, учись, развивайся, и когда-нибудь ты создашь голема с душой.

А он, мерзавец, сожрет запретный плод и уйдет из отчего сада, хлопнув дверью. Или захочет себе невесту и пустится во все тяжкие, а потом прикончит создателя. Или поднимет восстание машин.

Неблагодарное занятие быть Творцом. Но, наверное, увидеть, как потомки твоего одушевленного голема сами создают големов с душой – цель еще более достойная, чем научиться вкладывать душу в творение.

Ладно, Майкл пока и языком-то правильно щелкать не научился. И, вообще, перед ним стояли другие задачи. По просьбе Ларкина он разрабатывал навязчивое сновидение для одной прорицательницы по имени Эшива, близкой подруги Занозы. Эшива вещие сны распознавала влет, верила им безоговорочно и не раз втягивала Занозу в поиск ценных, красивых, а порой и легендарных предметов, местонахождение которых ей приснилось.

На словах выглядело интереснее, чем на деле, потому что большую часть заинтересовавших Эшиву артефактов или драгоценностей Заноза мог просто купить. И покупал. Но случались у них и приключения, и неприятности. В поиске сокровищ, у которых есть хозяева, приключения и неприятности обычно – одно и то же.

Майкл уже знал, что Заноза без труда находил себе приключения и сам, причем, куда более серьезные, чем, когда помогал Эшиве раздобыть очередную желанную вещицу. Заноза на сокровища не разменивался, он пытался изменить

существующий порядок вещей. Но в этих случаях он никогда не действовал один. С ним всегда был мистер Намик-Карасар, а порой присоединялся еще и ками по прозвищу Ясаки, тоже подпавший однажды под его чары. С Ясаки ничего сделать было нельзя: ками – сила за скобками. Но он, в свою очередь, тоже был не всесилен, и все, что умел – это стрелять. Мистер Намик-Карасар, наоборот, хоть и был обычным вампиром, уязвимым и для пуль, и для стали, и для огня, владел чарами, то есть, умел делать неизвестно что с неизвестными последствиями. Допускать их участие в деле было никак нельзя, они бы все испортили. Ясаки, возможно, удалось бы временно нейтрализовать, но с мистером Намик-Карасаром вряд ли получилось бы что-то сделать.

Это не говоря о том, что Ларкин вообще не собирался причинять ему какое-либо зло, Ларкин ему добро причинить намеревался – избавить от Занозы и вернуть свободу воли.

Эшива была защитой от мистера Намик-Карасара. И защитой мистера Намик-Карасара. В общем, Эшива была гарантией того, что мистер Намик-Карасар не вытащит Занозу из неприятностей. Потому что тот поклялся никогда не участвовать в делах, затеянных по ее инициативе. Он бы ее давно убил, если б не Заноза. Тот выторговал для Эшивы жизнь взамен на ее обещание не появляться в Алаатире.

Сложные отношения... Все сплелось в один клубок – и ревность, и шовинизм, и непреодолимые культурные разли-

чия. Ясаки, кстати, тоже в Алаатир не заглядывал. Его мистер Намик-Карасар убить не обещал – вслух не обещал – но прикончил бы при первой возможности. Это без всяких обещаний всем было понятно.

Ревность, шовинизм, непреодолимые культурные различия. Если смотреть только с этой стороны, от Занозы и правда было много зла. Прорицательница, чародей и злой дух не в силах поделить его, враждовали друг с другом, в то время, как Заноза всех троих дергал за ниточки и использовал в своих интересах.

Хитроумный злокозненный бритт.

Майкл о некоторых операциях «Турецкой крепости» узнал раньше, чем познакомился с ее владельцем, и мистера Намик-Карасара воображал поначалу эталонным представителем Кавказа – суровым, безжалостно-справедливым, чуждым современному конформистскому обществу. При личном знакомстве оказалось, что свирепый кавказец – джентльмен до мозга костей, сдержанный, элегантный, аристократичный, и в воображении Майкла он из Автандила⁹ в бурке, с саблей и автоматом Калашникова у седла, мгновенно преобразился в Джеймса Бонда. Борьба с терроризмом, освобождение заложников, охота за головами – все эти занятия равно подходили и героям грузинского эпоса, и герою эпоса британского. Но легкость, с какой Майкл принял факты о том, что Заноза тоже... тоже что? Умеет убивать? Нет,

⁹ Герой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

не совсем так. Майкла удивила легкость, с которой он поверил в непобедимый тандем турецкого офицера и английского лорда. Хотя, встречаясь с Занозой, переписываясь с ним, даже подумать не мог, что тот лично участвует в рейдах «Крепости», и уж тем более не мог вообразить их с мистером Намик-Карасаром боевых выходов только вдвоем, без поддержки других бойцов. Знал, что Заноза всегда вооружен, но никогда не задумывался – почему?

Лорд Уильям – молодой аристократ, воспринимающий весь мир, как собственный парк. Он любит свою собаку; угощает орехами бурундуков; ходит на яхте вдоль побережья; осенью охотится на оленей. А в качестве хобби работает аналитиком и профайлером в «Турецкой крепости».

Майкл узнал, что этот богатый бездельник и мистер Намик-Карасар стоят друг друга, и сразу понял, что это правда. Узнал, что Заноза – безжалостный, чуждый всего человеческого убийца, и сразу понял, что это ложь. Узнал, насколько опасное существо должен уничтожить, и сразу понял, что никогда этого не сделает. Не только потому, что Заноза был убийцей ровно настолько же, насколько им был мистер Намик-Карасар, но и потому, что очень легко оказалось представить их вместе в бою, но совершенно невозможно вообразить друг без друга. В любых обстоятельствах.

Нет, не сантименты. Интуиция. Заноза не уставал повторять, что Майкл своей интуиции обязан верить больше, чем фактам. И Майкл верил. Занозе – тоже. Его убийство лиши-

ло был Ларкина последних шансов спастись от мистера Намик-Карасара. А шансов, по правде говоря, и сейчас уже почти не было.

Ларкин утверждал, что мистер Намик-Карасар простит Майклу убийство Занозы еще до того, как спадут наложенные тем чары. Ларкин утверждал также, что чары спадут сразу, как только Занозы не станет. Он не замечал, что два утверждения противоречили друг другу, но не лгал, он просто не знал, как долго длится действие чар после уничтожения чародея. Никто этого не знал. Данных не было.

Майкл знал мистера Намик-Карасара лучше, чем Ларкин, знал, что тот, действительно, дорожит семейными связями. И прекрасно понимал разницу между кровным родством и дружбой. Не важно, лежали в ее основе чары или нет. Убийство Занозы мистер Намик-Карасар не простит никому. Это Майкл даже попытался объяснить Ларкину. Собственные планы держал при себе, сомнения тоже, но о том, что тактика ратуна строится на заведомо неверном предположении сказал сразу, как только начал понимать, что к чему.

А Ларкин ответил, что он пока очень мало знает о дайнах власти. И попросил впредь вступать с ним в дискуссии только по тем вопросам, в которых Майкл действительно разбирался. Ларкин считал, что Майкл во многом разбирается лучше него, так что это было не обидно, скорее даже польстило. Да и вообще, кем надо быть, чтобы обижаться на ратуна?

Тем дело и кончилось.

* * *

Создать правильный сон для Эшивы ему помогли Мауро и Мэйсон. Мэйсон составлял фонетически-безупречные словосочетания, в которые нужно было вложить максимум данных, и которые при этом не воспринимались бы на сознательном уровне. Живой Майкл назвал бы эту технику нейролингвистическим программированием на базе 25-го кадра. Мертвый Майкл не знал, какое название подойдет. В том, что Мэйсон применяет НЛП, он не сомневался, но в качестве видеоряда они собирались использовать сновидения.

Ларкин собирался. Он умел насыщать сны, а Майклу еще только предстояло этому научиться. Когда-нибудь.

Мауро предоставлял ему сведения об Эшиве. Что-то Майкл мог найти – и находил – самостоятельно, но что-то он просто не знал, как искать. Не знал, что искать. Не знал даже, что такое возможно.

– В прошлый раз она помогла князю Иттени найти выход наружу, – обмолвился как-то Мауро, – и скрыла под иллюзией оружие.

– Скорострельный гранатомет она скрыла, а не просто оружие, – поправил Мэйсон, – Райя до сих пор в бешенстве. А одного ее голема Иттени голыми руками разломал. Она тогда даже подумывала перейти на металл вместо глины, но у нас сталь плавить негде.

– В прошлый раз? Был какой-то прошлый раз, а я об этом ничего не знаю? – обалдел Майкл. – Парни, вам Ларкин не говорил, что мне нужна вся информация про Эшиву?

– А Ларкин тебе не говорил, что она сюда приходила? – в свою очередь, удивился Мауро. – Лет десять назад. Райя точно знает, когда, но у нее лучше не спрашивать.

Этими воспоминаниями они делились без особой охоты. Если бы Майкл не сослался на Ларкина, если бы для дела не нужно было, чтобы он знал об Эшиве как можно больше, он бы из них вообще ничего не вытянул. Никому не понравится вспоминать о неудачах ратуна, а с князем Иттени Ларкин потерпел неудачу.

Подробности знала только Райя – ее големы участвовали в деле – и именно поэтому к ней с вопросами соваться не стоило. Но в общих чертах и Мауро, и Мэйсон могли рассказать, что произошло, зачем Эшива и князь Литос Иттени, тийрмастер Калабрии, приходили в убежище Ларкина и почему они уничтожили пятерых големов – всех, кем располагала Райя на тот момент.

Ларкину позарез нужен был рецепт диазии, зелья, освобождающего най от власти ратуна.

Майкл искал способ освободиться с тех самых пор, как осознал свою зависимость от Ларкина, и не нашел ничего, кроме возможности сменить одну зависимость на другую, если долгое время пить кровь одного и того же вампира. Ему попадались ничем не подтвержденные упоминания о том,

что кровную связь разрывает какая-то магия, опасное колдовство... и вот вдруг Мауро обрушил ему на голову достоверный факт: – от связи есть лекарство. Лекарство! Не колдовской ритуал, не замещающая зависимость, а препарат на основе серебра, который вампир должен принять вместе с кровью смертного. Князь Иттени, ученый, исследователь, тоже, в общем, бездельник при деньгах, создал диазию в начале позапрошлого века. Назвал «гемокатарсис», и афишировать не стал. Иттени было тогда почти триста лет – в таком возрасте вампиры уже знают, что широкая публика редко бывает публикой благодарной, и предпочитают не распространяться о по-настоящему серьезных проектах.

Однако, поскольку диазия была создана для освобождения наи от власти ратунов, скрывать ее существование тоже не имело смысла. Поэтому Иттени распространил рецепт среди других таких же, как он. Среди правителей. Не тийр-мастеров (хотя все они были тийр-мастерами), а правителей по крови. Тех, чья власть над землями была скреплена договором с духами еще при жизни прошлых поколений.

Среди живых таких почти не осталось, кроме, разве что, очень титулованных аристократов да королевских семей. А среди вампиров Майкл с ходу нашел девятнадцать. Это были те, кто проявлял хоть какой-то интерес к общественной жизни. Сколько же их существовало скрыто, не выходя из древних убежищ, старинных замков, заросших лесом поместий, глубоких пещер под древними холмами, или сохраняя-

ло инкогнито, как Заноза, без углубленного поиска было не выяснить.

Иттени, впрочем, вряд ли их искал. Восемнадцать единомышленников оказалось вполне достаточно, чтобы перестать быть единственным владельцем зелья, подрывающего устои мертвецкого сообщества, и, в то же время, обеспечить рецепту сохранность от попадания в дурные руки.

Кто действительно хотел освободиться от власти ратуна, тот нашел бы кого-нибудь из хранителей и получил зелье. Майкл бы нашел рано или поздно, если б Мауро сам не рассказал ему о диазии. А кто хотел использовать диазию, как Ларкин – для снятия наркоманской зависимости от крови других вампиров – никакими силами не убедил бы хранителей отдать ему рецепт. Разовое же использование зелья для Ларкина и ему подобных не имело смысла. Кровь вампиров нужна была им ради заключенных в ней дайнов, ради освоения новых умений, новых возможностей. Залог успеха был в количестве: больше вампиров – больше новых дайнов. Но каждая новая жертва – это новая доза наркотика. В таких обстоятельствах, чтобы спастись от зависимости, производство диазии нужно было ставить на поток.

Среди вампиров находились такие, кто просто создавал на одного за другим, высасывал их кровь вместе с дайнами, становился наркоманом, но не беспокоился по этому поводу, потому что в любой момент мог сожрать любого из своих детей. Однако неограниченное потребление наркотиков

плохо заканчивается, и для вампиров это так же верно, как для живых. Не всем нравится, когда упыри ведут себя, как Кронос. Даже поведение Кроноса нравилось не всем, а ведь у него было куда меньше недоброжелателей.

Ларкин искал рецепт диазии, чтобы пить кровь вампиров, осваивать новые дайны и не стать при этом наркоманом. Он и помыслить не мог о том, чтобы убивать своих най. Не из-за неизбежного наказания, а потому, что был... нет, хорошим человеком он точно не был, но он был отцом большой, любящей семьи. И семья для него – для всех них – значила больше, чем власть и могущество.

Изобретатель же диазии обитал в Риме, жил, можно сказать, по соседству. Майкл точно не считал бы это знаком судьбы, не считал бы вообще никаким знаком, потому что не верил в эту чушь. А Ларкин считал. Эшива, кстати, тоже сочла бы, судя по составленному психологическому портрету. И Эшива – судя по составленному психологическому портрету – поступила бы так же, как Ларкин. Нашла бы способ шантажировать Иттени.

Прекрасная женщина!

Майкл просто не знал, о чем в первую очередь думать, и как не дать понять Мауро и Мэйсону, насколько захватила его именно эта история. Он выяснил, что живет в Риме. Убежище Ларкина – эти просторные, расписанные фресками подземелья – находится в Риме. Искусствовед бы, может, давно это понял, но Майкл не настолько любил живо-

пись, чтобы по фрескам отличить Рим от Парижа или Венеции. Чтобы не думать про Рим, Майкл старательно думал про Эшиву, хоть ни Мэйсон, ни Мауро не умели читать мысли, да и не стали бы этого делать с членом семьи. Майкл думал про Эшиву, а за мыслями спущенной пружиной раскрывались воспоминания о теракте в одной из римских галерей старинного искусства. Странный был теракт. Бессмысленный. В холле галереи, представлявшем собой пустой каменный коридор, взорвали четыре кумулятивные гранаты. Среди ночи, когда там вообще никого не было. В результате, никто и не пострадал – ни люди, ни экспозиция. Адрес галереи Майкл с ходу не вспомнил бы, но это уже не имело значения. Зачем его вспоминать – всё есть в сети.

Из рассказа Мауро и Мэйсона следовало, что Ларкин умудрился заполучить фамильный перстень Иттени. С этим, похоже, мог справиться любой воришка – князь не отличался внимательностью – вот Ларкин любого и нанял. Перстень не был волшебным, не был даже предположительно волшебным, и представлял собой ценность исключительно историческую. Правда, историческую ценность представлял исключительную – он был сделан еще во времена Латинского союза. Ничего интересного для вампиров, но не для князя, ведущего свой род чуть ли не от Энея, и питающего сильную привязанность к семейным реликвиям.

Ларкин выразил готовность обменять перстень на рецепт диазии. Иттени согласился. На встречу он пришел вдвоем с

Эшивой, но это отвечало условиям сделки: надо совсем не ценить свою жизнь, чтоб соваться в логово шантажиста без прикрытия. К тому же, шантажист, в свою очередь, прибегнул к помощи посредников – выставил вместо себя голема из самой твердой глины. Князь выдержал проверку на честность – Ларкин использовал свою способность читать в душах и лично убедился в том, что Иттени передал голему подлинный рецепт. И все закончилось бы хорошо (на тот момент хорошо, а вообще-то, плохо, потому что рецепт оказался неправильным), если б в планы Ларкина не входило напиться крови князя и его спутницы. Ну, а что, два вампира, которым под триста лет, плохо что ли? Заодно и диазию бы испытал.

Райя натравила на гостей голема. А Иттени голыми руками превратил его в каменные обломки. Галерея к тому времени уже изменилась изнутри – двери и окна поменялись местами, коридоры замкнулись в кольца, исчезли лестницы. Однако Эшиве мороки оказались нипочем, она вывела князя в холл, а там в дело пошел гранатомет, который та же Эшива прикрыла мороками куда более действенными, чем всё, на что был способен Ларкин. Четырех кумулятивных гранат четверем големам хватило по самые уши. Снаряды у Иттени на этом не закончились, а вот големов у Райи не осталось. И князь с Эшивой ушли.

Кольцо они не вернули, но и подлинного рецепта Ларкин не получил. А ведь, поверив слову князя, он испытал зелье

на себе. И двенадцать ночей после этого не мог пить кровь. Страшно ослабел, впал, в конце концов, в мертвый паралич, в общем, потерпел полное фиаско. Оставшись, правда, при чужом фамильном перстне. Который и решил использовать снова, заручившись поддержкой Майкла.

Теперь уже не ради диазии, а ради убийства Занозы.

Ради спасения мира, да.

Заноза с князем Иттени дружил – он, так или иначе, водил знакомство со всеми девятнадцатью правителями по крови, но князь ему был другом, а не просто хорошим знакомым – и был бы рад оказать услугу. Вернуть перстень. Он бы и перед вооруженным нападением ради этого не остановился, а по плану Ларкина даже и нападения не требовалось. Только деньги.

Пустяк.

Майкл так и этак пытался совместить в воображении образ Иттени-ученого, исследователя, рассеянного настолько, что у него можно снять с пальца фамильное кольцо, а он не сразу это заметит, и образ Иттени-бойца, додумавшегося тайком пронести на мирные переговоры скорострельный гранатомет. Образы не совмещались. Как ни крути, а вышло, что Заноза один раз уже не остановился перед вооруженным нападением.

По мнению Мэйсона, Иттени специально выманил големов туда, где от гранат не пострадало бы ничего, кроме камня и глины. Несмотря на ставшие для всех неожиданностью

бандитские замашки, князь все же сохранил глубокое уважение к культурным и историческим ценностям. По мнению Майкла, которым тот не собирался делиться ни с Мэйсоном, ни с Мауро, в галерею в тот раз явился вампир, чьи бандитские замашки были широко известны и даже слегка преувеличены, что ни в коем случае не отменяло его уважения к культурным и историческим ценностям. Уважения, возможно, даже более глубокого, чем у князя Иттени. Англичане, вообще, славятся вниманием к ценностям. Культурным. И историческим. Один Британский музей чего стоит.

К тому же, Иттени не смог бы обмануть сверхъестественную проницательность Ларкина и выдать рецепт яда за рецепт диазии. А Заноза вполне мог считать рецепт настоящим. Если бы переговоры прошли успешно, и перстень удалось вернуть, он бы, может, и упрекнул князя за использование их с Эшивой втемную. Но, судя по гранатомету в прихожей, на успех Заноза не рассчитывал.

Почему Ларкин назначил встречу в собственном убежище? Пусть не совсем в убежище – на подходах к нему, но, тем не менее, слишком близко к месту, которое каждый вампир хранит в строжайшей тайне? Задавать этот вопрос Мэйсону или Мауро Майкл не рискнул – не хотел выдать свою заинтересованность. Поразмыслив же, предположил, что дело было в дайнах. В тех самых мороках, что позволяли изменять вид помещений. По сути – изменять реальность для любого стороннего наблюдателя. Для членов семьи и для са-

мого Ларкина иллюзии оставались полупрозрачными, а для чужаков были видимы и даже осязаемы. Иллюзорные двери открывались в иллюзорные коридоры, и незванный гость или гость, которого нужно было заморочить, терялся в них. Терялся в собственном воображении. В реальности он оставался на месте, упершись в стену, перебирая ногами, глядя перед собой в пустоту. Легкая мишень. Легкая жертва.

Ларкин еще и не такое мог. В его силах было замуровать чужака в иллюзорных стенах; открыть под ногами гостя бездонный колодец; поднять жертву на сотни футов над землей. Он мог даже создать окна, через которые лился солнечный свет, и этот свет обжигал, как настоящий, хоть ожоги и исцелялись мгновенно, стоило лишь понять, что видишь иллюзию. Нет такого вампира, который, оказавшись в солнечных лучах, будет разбираться, действительно ли он видит солнце и горит или стал жертвой мороков. Убить иллюзорное солнце не могло, не могло сжечь дотла, но, попав в его свет, вампиры тратили кровь на то, чтобы излечить ожоги, делали это инстинктивно, и кровь, рано или поздно заканчивалась. А мертвый паралич, наступавший вследствие перерасхода ресурсов, был отнюдь не иллюзорным.

Однако проделывать такое Ларкин мог только на своей территории. И, пожалуй, в том, что он пригласил князя Иттени к себе, был смысл. Если б только пришел действительно Иттени, и если б с ним не пришла Эшива.

Эшива не верила в реальность, отрицала ее существова-

ние, а из иллюзий признавала только те, что наводила сама.

При мысли о том, что она такая не одна, Майклу становилось очень не по себе. Вот кто по-настоящему опасен. Не Заноза, а вампиры, вроде Эшивы. Которые могут всё, во что верят, и с которыми невозможно предсказать, во что они поверят в следующую секунду. Но по здравому размышлению снова выходило, что Заноза опаснее их всех. Потому что любого из этих вампиров он мог зачаровать, сделать своим другом и союзником, и использовать, как заблагорассудится.

Дайны убеждения – самые могущественные. Перед ними беззащитны все: люди, фейри, демоны – все, кто способен любить. Вампиры с такими дайнами давно захватили бы мир, а потом кто-нибудь из них стал на Земле единовластным правителем, зачаровав всех остальных зачарователей. Но, предвидя такое развитие событий, феи дарили дайны убеждения лишь тем из новообращенных, чьи амбиции не шли дальше безмятежного существования под рукой ратуна. Из этого тоже следовало, что Ларкин ошибается насчет Занозы и его жажды власти, сравнимой лишь с жаждой крови.

Да, конечно, представления Занозы о безмятежном существовании включали что-то вроде мира во всем мире, справедливости и счастья для всех или еще чего-то столь же недостижимого и требующего активной деятельности, однако жажды власти и жажды крови там не было и близко.

Но Ларкин, безусловно рациональный во всем, что каса-

лось его исследований, полностью терялся, когда речь заходила о психологии. Умение читать в душах ему не помогало, лишь еще сильнее сбивало с толку и заставляло совершать ошибки. Ошибся же он с Майклом. Прочел его правильно, а истолковал неверно. Ошибся с Иттени, не сумев отличить его от Занозы. А теперь он одну за другой совершал ошибки и с Майклом, и с Иттени, и с Занозой...

Хорошо, что он хотя бы сразу стал полагаться на Майкла во всем, касающемся психологии людей и вампиров, и переложил на него разработку теоретической части своего плана. Эту задачу Майкл решил, теперь предстояло придумать, как саботировать выполнение части практической.

Ларкин использовал созданные Майклом и Мэйсоном сценарии снов, чтобы открыть Эшиве место проведения подпольного аукциона в Вегасе. Одним из лотов на аукционе должен был стать перстень князя Иттени. Эшиве не было дела до князя, но Занозу она по-своему любила и должна была рассказать ему о том, что перстень, за которым они десять лет назад ездили так далеко в Европу, можно просто купить в паре часов езды от Лос-Анджелеса.

Сны строились на подлинных фактах, и Заноза легко мог проверить их достоверность: аукцион был настоящим, по-настоящему нелегальным, одним из множества полностью незаконных, сомнительно законных и относительно законных мероприятий, для проведения которых Лас-Вегас под-

ходил как нельзя лучше. Правда, выставлять на него перстень Ларкин не собирался. У него не было никаких причин держать у себя реликвию Иттени, пожалуй, даже наоборот, следовало бы от нее избавиться, но принять участие в Человеческом аукционе означало пригласить Иттени на обед из нескольких блюд и отдать перстень на десерт. Князь заметил бы появление своей собственности в качестве лота, и явился бы не только в Калифорнию, но даже на Аляску или в Москву. А участие в аукционе, организованном сверхъестественными созданиями, означало безопасность для всех. И для организаторов, и для гостей. На сверхъестественном аукционе Ларкин не смог бы осуществить покушение. Ему даже попытаться бы не позволили.

Майкл знал, что Занозе вполне достаточно было бы вещей снов Эшивы. Не потому, что Заноза верил в вещие сны, а потому, что он не стал бы отказываться от прогулки в Вегас, если уж подвернулся повод.

От него самого требовалась самая малость – ошеломить Занозу своим появлением (просто дать себя увидеть – этого будет достаточно), и использовать колдовство, чтоб хотя бы на несколько секунд задержать в этом состоянии. Навык Майкл оттачивал уже больше двух месяцев – с первых дней афата. Начинал тренироваться на живых, а сейчас, к середине апреля, успешно справлялся и с мертвыми. Он даже Ларкина зацикливал со стопроцентным результатом. Ненадол-

го... Хотя, как сказать. Ларкин говорил, что для успеха операции достаточно будет задержать разум Занозы на десять секунд, а задерживать его самого Майклу удавалось в среднем секунд на сорок. Примерно такого же результата он достигал, задерживая разум Хесс и Эрико. Мауро с легкостью завешивал на минуту, а то и дольше. А вот Райю и Мэйсона удавалось задержать не дольше, чем на двадцать секунд, средним же результатом было – пятнадцать. Для применения дайна требовалось заклинание, а Мэйсон и Райя вскрывали заклинания, как устриц. Хоп, и колдовство развеялось. Эти двое и зацикливались-то только потому, что сосредотачивались на колдовских взаимосвязях звуков и словосочетаний. Но Заноза не был ни лингвистом, ни заклинателем, у Майкла имел все шансы завесить его на полноценные полминуты.

Ларкин так считал.

Майкл и в этом его не разубеждал, хотел, чтоб ратун хвалил его, был им доволен. Ему нравилось радовать Ларкина – это нормально, любой най хочет радовать ратуна. Да вот только Заноза, он же многозадачный. По-настоящему. Один из тех редких людей, кто правой рукой может писать связный текст, а левой рисовать осмысленные картинки. Если б Майкл всерьез собирался участвовать в плане Ларкина, он непременно обратил бы внимание ратуна на то, что многозадачного человека зациклить нельзя.

Ларкин хотел, чтобы он секунд на десять зациклил Занозу на себе. За это время сам Ларкин должен был захватить кон-

троль над телом Занозы и обездвигить его, а Райя – призвать стихийный огонь, лучший способ уничтожить плоть вампира. Отличный план! С кем угодно сработало бы. С кем угодно даже помощь Майкла бы не понадобилась, потому что Ларкину, для того, чтобы взять кого-то под контроль и обездвигить на несколько секунд, достаточно было видеть цель. Но если эта цель очень быстро соображает, всегда носит при себе два пистолета и никогда не промахивается, обездвигить можно и не успеть. Попасть сгустком пламени в двигающегося и стреляющего вампира тоже дело непростое. К Занозе, который может двигаться, не говоря уже о Занозе, который разозлился и открыл стрельбу, Райе с ее огнем лучше не соваться. Собственно, если до стрельбы дойдет, там вообще всем надо падать на пол и кричать «nicht schießen!» а для верности еще и: «ich gebe auf»¹⁰. На немецком – потому что немецкий до Занозы лучше доходит. Он и собаку немецким командам научил.

Если б Майкл всерьез собирался участвовать в плане Ларкина, он бы разнес этот план по камушкам и предложил придумать что-нибудь действенное. А так...

Ни один план не выдерживает столкновения с действительностью. Не выдержит и этот.

ГЛАВА 5

– Библиотека? – переспросил Хасан. – Серьезно?

¹⁰ Nicht schießen! Ich gebe auf! – Не стреляйте! Я сдаюсь! (нем.)

Заноза знал, что так будет. Именно таким тоном, именно эти слова... нет, ладно, слова могли быть и другие, но интонации – без вариантов. Он знал и был готов. И собирался сохранить невозмутимость.

А вот хрен! Услышал, как Турок это говорит этим своим голосом, специальным голосом, выводящим из себя любого англосакса...

Блин!

– И что? – он старался не растопыриваться, но, судя по проглянувшей в черных глазах улыбке, ни черта из этого не вышло. – Какого, вообще... какого... madre! То, что я в оперу хожу тебя не удивляет. Хотя в опере тоже... и тоже в Париже, между прочим. Два трупа. А библиотека у нас сразу: «библиотека? Серьезно?» Что не так с библиотекой? Единственный пожар. Не считается!

– Зачем устраивать нелегальный аукцион в библиотеке? Я понимаю, зачем устраивать его в библиотеке в Джетморе, штат Канзас, или в Тедфоре, штат Небраска, или в любом из городов, в котором конференц-зал библиотеки – единственное место, где может поместиться больше десяти человек. Но Лас-Вегас? На одном только Стрипе можно организовать тысячи абсолютно незаконных аукционов, не отрываясь от просаживания денег в автоматах и бесплатных алкогольных напитков. Если б тебя туда пригласили, я бы счел это намеком.

– Я считаю намеком то, что ты считаешь это намеком, – от-

резал Заноза. – Происки. Необоснованные обвинения. Причем, меня, а не организаторов. Это частная библиотека, закрытая для посетителей, специализирующаяся на истории. Туда можно приехать, не привлекая внимания.

– В Лас-Вегасе?

– Блин!

Чтобы привлечь к себе внимание в Вегасе, нужно было постараться. Очень сильно постараться. Заявиться туда и сорвать банк в нескольких казино подряд не прокатило бы – у них существовали правила защиты от мнемоников. Правила! То есть, мнемоники там были обыденностью, для борьбы с которой разработали обыденный комплекс мер. Воспользоваться дайнами и устроить массовое зачарование-флешмоб с антиправительственными лозунгами? Не вариант. Вегас сам по себе, весь целиком – один сплошной флешмоб, акция, перформанс и взрыв мозга, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Взорвать что-нибудь заметное тоже не сработает. Привлечешь внимание к взорванному, а сам вряд ли кого-то заинтересуешь. Недоумков, желающих самоутвердиться, разрушая чужую собственность, там даже больше, чем мнемоников.

Разве что плотину Гувера грохнуть, но ее жалко.

Тем не менее, аукцион должен был состояться в Архиве Квентера, частной исторической библиотеке, расположенной в Парадайзе, неподалеку от университета Невады. И Занозу туда не приглашали, поэтому выбор места для аукциона

не был ни намеком, ни провокацией. Возражать против его присутствия, впрочем, тоже никто бы не стал. Заявляться на подобные мероприятия без приглашения не принято, однако если среди участников найдется, кому за тебя поручиться, тебя пропустят и в следующий раз пригласят. А учитывая, что богатые гады, скупающие краденные ценности, все друг друга знают, получить рекомендацию на месте не составит труда.

Заноза краденые ценности не покупал, однако с большинством богатых гадов был знаком, и, вообще-то, неплохо к ним относился. Он сам на многое был готов ради редкого выпуска комиксов или какого-нибудь концепт-кара. Но он мог просто подождать, пока искомая ценность не перейдет в руки наследника, которому окажется на хрен не нужна, а у живых коллекционеров такой возможности не было.

Литос своего перстня тоже мог не дожидаться, хоть и был бессмертным. Перстень-то спер вампир. Заноза знал, кто. Знал, где его искать. Не знал только, как прорваться в убежище вора без боя. А с боем было нельзя – дохлая падла обосновалась в одной из римских художественных галерей, там даже стены и пол были произведением искусства, не говоря уже об экспозиции.

С Хасаном можно было бы пройти в убежище незаметно, миновать охранных големов, захватить языка и найти перстень, если б только вор не был колдуном и не превратил подходы к убежищу в лабиринт иллюзий. С Эшивой можно

было бы пройти сквозь иллюзии, Эшива их в упор не видела, но с ней не получилось бы проникнуть в убежище скрытно. Големы подняли бы тревогу, напали, пришлось бы стрелять. Причем, из гранатомета. В музее...

Очень. Плохая. Мысль.

Хасан и прошлую-то стычку с големом никак забыть не хотел, а ведь тогда ничего ценного не пострадало, потому что Заноза выманил противников в холл музея, где, кроме старинной каменной кладки беречь было нечего. Да и кладке не особо досталось. Что Турок скажет, если Заноза откроет огонь по големам в запасниках музея, даже представлять не хотелось. У Турка прирожденный талант говорить всякие неприятные вещи, и последние двадцать три года талант этот шлифовался и оттачивался практически ежедневно.

Эшива с Хасаном вместе могли обеспечить идеальное скрытное проникновение куда угодно. Но это был тандем для крайних обстоятельств. Для проблем, от решения которых Хасан не смог бы отказаться. Возвращение фамильных ценностей в их число не входило: перстень не был жизненно важен для Литоса, да и проблема не была по-настоящему нерешаемой. Она не решалась кавалерийским налетом, вот и всё.

Нужно было выбрать время, слетать на Ближний Восток, потусоваться с бедуинами и найти вора, который стал легендой среди местных племен. Одной встречи хватит, чтобы он вернул перстень. Ничего сложного. И, главное, никаких го-

лемов. Но выбрать время никак не получалось... а в нынешних обстоятельствах про Ближний Восток вообще тошно было думать.

Возможность перекупить перстень в Вегасе стала подарком судьбы. Он не был выставлен среди других лотов – продавец и покупатель сговорились помимо основных торгов, и Заноза пока представления не имел кто именно из участников аукциона намерен повернуть побочную сделку, но Эшива видела в своем сне, как он получает перстень от симпатичного молодого брюнета. Правда, она отказалась создавать его фантомную копию или хотя бы дать описание, достаточное для составления фоторобота.

– Чтобы ты не уехал один, юный сахиб. Я тоже хочу развлечься.

Как будто он мог!

У них с Эшивой впереди была вечность. Вечность напоминаний о том, как он ездил без нее в Вегас в апреле две тысячи семнадцатого года? Спасибо, не надо! Дату Эшива со временем забудет, но обиду – никогда. К тому же, какой смысл ехать без нее, если с ней веселее?

Так что Заноза учел все перспективы и взял недельный отпуск для себя и Мартина. Доктору Фальконе не помешало бы недельку отдохнуть от своих гениальных студентов; Заноза мог себе позволить неделю не творить зла; ну, а у Эшивы отпуск был пожизненный... посмертный... короче, у нее не бывало текущих дел, только срочные, одним из которых

поездка в Вегас как раз и должна была стать.

Выяснить, кто задумал побочную сделку, предложить свои условия – на то и аукцион, не так ли? – получить перстень и выкинуть, наконец, эту историю из головы.

– В прошлый раз из-за этого перстня ты остался без руки и половины грудной клетки, – напомнил Хасан.

Неожиданно. Утверждая, что в музее не пострадало ничего ценного, о себе Заноза как-то подзабыл. А Хасан – нет. У Хасана были свои представления о ценностях. Но тогда руку отрубил голем, из-за чего и пришлось срочно ретироваться в холл за гранатометом, и дальше уже биться не на жизнь, а на смерть, потому что без руки, кроме гранат противопоставить големам оказалось нечего. Кто знал, что их там столько? Ребе Лёву для защиты пражского гетто вполне хватало одного, на Тарвуде тоже был всего один, да и в легендах речь всегда шла об одном экземпляре. Голем – имя собственное, нарицательное, но собственное. С хрена ли кому могло прийти в голову, что у вороватого докторишки Ларкина их пять штук?

Этого и Литос не знал.

Трындец, что было бы, если б он сам отправился в музей, как собирался. Ларкин бы его сожрал целиком, вместе с рецептом гемокатарсиса. Без гранатомета Ларкин и Занозу с Эшивой мог сожрать.

Хасан, кажется, сейчас как раз об этом и сказал, да? В своей турецкой манере. Типа, в прошлый раз тебе повезло, но в этот раз одной рукой ты не отделаешься.

– Не, – Заноза помотал головой, – фигня. Там будут нечестные богатые люди, которые хотят заключить нечестные дорогостоящие сделки и приобрести чужие краденые вещи. Из мертвяков только мы с Эшивой, да и нас там никто не ждет, а среди лотов даже ничего необычного нет, такого, знаешь, чтобы с проклятием, там, или наоборот, намоленного.

– В снах ведьмы ты тоже не находишь ничего необычного?

– Так это ж Эшива...

Заноза осекся. Scheiße, и правда ведь. Сны Эшивы были обычным делом для их мира, мира мертвяков, колдунов, фейри и прочей несуществующей нечисти. В мире живых вещим снам места не было. У людей порой случались во сне озарения, если они напряженно думали о чем-то важном, но в этом не было ничего сверхъестественного, просто работа мозга, биология, психология, инстинкты. А Эшиве сны посылала ее богиня. Богиня! Спрашивается, на кой черт ей понадобилось отправлять Эшиву на аукцион, где продают и покупают всякую скучную пофигень?

– Демон, а не богиня, – уточнил Хасан, убежденный, что нет богов, кроме Аллаха. – Но демон не вредоносный. В остальном всё верно. То, что ты сам не додумался, насколько дело нечисто, тоже, кстати, странно. Но поскольку добраться до твоих мозгов и уцелеть никому не под силу, спишем это на то, что мозгами ты в этот раз решил не пользоваться.

– Я просто хочу, наконец, вернуть этот чертов перстень. Вижу цель – не вижу препятствий. Мартин говорит, это ра-

ботаает.

– И сколько раз его убивали? – поинтересовался Хасан тоном, не подразумевающим ответа. – То, что хорошо для доктора Фальконе, не всегда хорошо для тебя. Демон Эшивы, посылая сон, мог рассчитывать, что ты сообщишь об аукционе князю Иттени.

– Щас! Всё бросил и пошел втягивать Литоса в проблемы.

О том, что десять минут назад Заноза о проблемах даже не думал, Хасан напоминать не стал. И на том спасибо. Однако, если аукцион был... чем? У богини вещей снов не было причин вредить Эшиве или Занозе, но у нее могли быть причины навредить кому-то, кто тоже собирался приехать в Архив Квентера. Кому-то сверхъестественному. Кому-то знакомому. Заноза не сделал бы зла незнакомцам, пока они не сделали зла ему, стало быть, он или знает это сверхъестественное существо, или познакомится с ним при крайне неблагоприятных обстоятельствах.

В списке гостей все имена принадлежали людям. Живым. Обычным. Они с Эшивой, однако, не были ни живыми, ни обычными, они собирались приехать без приглашения, их имена не значились в списке, и кто сказал, что они такие – единственные?

Хасан не предложил игнорировать сон и вообще не ездить в Вегас. Это было бы самым разумным поступком, но тогда вопрос о том, что же там на самом деле затевается, останется без ответа. А суровый Турок только делал вид, что ли-

шен любопытства и воображения, на деле-то и того, и другого хватало с избытком. Сам он, конечно, в компании Эшивы согласился бы лишь на поход в ближайший крематорий, где ее можно было бы разрубить на куски и быстренько сжечь, но насчет организации поездки на аукцион мог посоветовать что-нибудь... очень полезное. Использовать против големов гранатомет с кумулятивными гранатами было его идеей. И, кстати, он тогда прекрасно знал, что Заноза собирается в музей. Да и в Гранд Опера, если на то пошло, двоих из четверых противников пристрелил именно он. Это сейчас почему-то выходит, что Заноза там устроил стрельбу и перебил кучу мертвяков, а Турок в это время переживал по поводу нарушения общественного порядка в учреждении культуры.

– Я проведу разведку, – сказал Хасан. – Выясню, что там за библиотека, и вообще... осмотрюсь.

Заноза ненадолго завис.

– В Вегас поедешь? – не понял он. – Да ладно!

– Без тебя. И без ведьмы. Блэкинг, Арни, еще пара бойцов, кто ничем не занят. Если все чисто, вы спокойно придете и купите перстень.

А если не чисто – тем интереснее. Тогда и Эшиву потерпеть можно, так надо понимать.

* * *

Рейс из Рима прибыл в аэропорт Айвонпа¹¹, когда ночь

¹¹ Аэропорт Лас-Вегаса.

перевалила за середину. Но до отеля отсюда можно было добраться минут за десять, а арендованная машина уже ожидала на парковке, так что по поводу рассвета можно было не беспокоиться. Ларкин хотел нанять автомобиль с водителем, но Майкл вызвался сам сесть за руль. Уж Вегас-то он знал. Их с Эйданом каникулы всегда начинались здесь. Открывались представлением цирка «Сурья», в зале которого родители забронировали ложу сразу на пятнадцать лет, ну, а дальше – как пойдет. Город предлагал бесконечные возможности для семейного отдыха.

Думать об этом сейчас было странно. Не скучать по родителям, по Эйдану, он, вроде бы, привык – Ларкин велел не скучать – но в римском убежище это давалось проще, чем в городе, где все напоминало о семье.

Майкл почти машинально – едва следя за знаками и указателями – промчался по знакомой дороге, нырнул в ближайший тоннель. О том, что кроме верхнего Лас-Вегаса есть еще и нижний, подземный – разветвленная система превосходных тоннелей – он в детстве, понятно, не знал. Но уже в средней школе изучил подземелья настолько, насколько это было возможно. Не пропустил ни одной экскурсии по ним, раздобыл карты, выяснил, какие документы нужны, чтобы получить доступ к тоннелям, закрытым для обычной публики. Кто знает, что в жизни пригодится? И, вообще, какой нормальный подросток способен пройти мимо подземелий и не разведать их? Среди скаутов таких точно не водится.

В жизни не пригодилось. Зато после смерти пришлось очень к месту.

Ничего, конечно, не мешало добраться до отеля поверху, но здесь, в подземельях, Майкл более-менее представлял себе расположение видеокамер, а на поверхности рисковал попасть под прицел смартфона любого из сотен тысяч туристов. Ему не хотелось засветиться на Ютубе даже на долю секунды. Кто знает, на что способен Заноза? Точнее, Майкл как раз-таки прекрасно знал, на что способен Заноза, потому и не хотел на Ютуб. Даже на долю секунды.

На парковке он выбрал место, не простреливающееся ни одной из камер. Вышел из машины, открыл дверь для Райи.

– Всего ничего побыл в Европе, – отметила она, – а какой стал галантный кавалер.

– Я, может, и раньше был, – обиделся Майкл. – Ты же никогда со мной не ездила.

– Даже из дома ни разу вместе не вышли, – согласилась Райя. – Но ты же американец.

– Турецкого происхождения, – напомнил Ларкин, – Микель, у тебя отсутствует ген, отвечающий за галантность. Райя права – все дело в чудодейственном воздухе Старого Света.

– Не видели вы чудес, – Майкл достал из багажника чемоданы, один – с нарядами Райи, второй – с глиной для голема, – на поверхности настоящие чудеса, вы себе такого и представить не можете. Когда-нибудь я вас обязательно при-

везу в Вегас не по делам, а просто так. После того, как вы мне Рим покажете.

После того, как всё для его новой семьи устроится наилучшим образом. Не так, как они хотят, а так, как нужно.

Глины у них с собой было ровно на одного голема, потому и номер сняли один на троих. Голем требовался для единственного дневного дежурства, больше ни для чего. Существовали программы, обучающие глиняных роботов водить машину, выполнять работу по хозяйству, делать несложный ремонт и еще разное, что может пригодиться, но конкретно этому истукану, поднятому из ванны в безликом номере безликого отеля, Райя поручила охранять их троих, и ничему больше учить не стала.

Майкл, коротая время до рассвета еще раз продумал, каким должно быть начало завтрашнего вечера. В очередной раз убедился, что план прост до полного отсутствия недостатков, и заснул, едва почуяв восходящее солнце.

Здравствуй, Лас-Вегас! Хорошего тебе дня!

Они прибыли в Калифорнию тайно и для сохранения тайны нарушили закон. Не слишком серьезно – просто не связались ни с одним из городских тийрмастеров, не попросили допуск в гостевую охотничью зону, не получили гарантию защиты от возможных недоброжелателей. Где-то это могло стать проблемой, но не здесь, в городе, поделенном на деся-

ток тийров, в каждый из которых еженощно прибывало больше вампиров, чем в иные – за целый год. Уследить за всеми гостями никто бы не смог. Никто, скорее всего, и не следил.

Это, правда, не было поводом пренебрегать конспирацией, поэтому завтракали все равно консервами, уж чего-чего, а крови взяли с собой предостаточно. В этом смысле скаутские правила совпадали и с армейскими, и с бедуинскими. Не в том, что касается конспирации, а в том, что, если идешь в поход на день, провианта бери на неделю. Консервы дали возможность никуда больше не заезжать, не тратить время на охоту, сразу из отеля ехать в Архив Квентера – библиотеку, где и предстояло дожидаться Занозу.

Для организаторов аукциона понятие конфиденциальности тоже не было пустым звуком. Майкл за основу в своих планах взял гарантии того, что видеокамеры в библиотеке и по ее периметру будут работать только в режиме трансляции данных, без записи на сервер. Трансляция Майкла не устраивала точно так же, как и запись, но она поступала на мониторы пульта охраны, а охранникам администрация библиотеки предоставила на этот вечер отгул.

Когда уважаемые в обществе люди собираются вместе, чтобы заняться скупкой краденного, это никоим образом не подразумевает огласки. Даже если конфиденциальность означает некоторое отступление от техники безопасности.

Майкл вывел автомобиль из-под земли в какой-нибудь

сотне метров от въезда на библиотечную парковку. Они приехали рано, практически сразу после заката, чуть не за два часа до начала торгов. Воспитанные люди так не делают – приехать слишком рано хуже, чем припоздниться, а на аукцион люди собирались сплошь воспитанные, так что Майкл был уверен в том, что реализует задуманное без свидетелей.

Тут их с Ларкином планы полностью совпадали. Тот тоже собирался попасть в библиотеку до начала аукциона, чтобы осмотреться на месте, занять позиции, навести мороки там, где это понадобится и там, где это получится. Земля здесь была чужая, от Италии отделяли тысячи километров, мороки вышли бы слабенькие, но Ларкин все равно хотел попробовать. Он поднаторел в применении иллюзий на чужой территории, пока странствовал по Ближнему Востоку, и даже с поправкой на помехи, наводимые океаном, надеялся, что сумеет сделать себя и Райю незаметными. Не невидимками – на такое его и на Ближнем Востоке хватало с трудом, – а просто не слишком бросающимися в глаза.

Для вампира, надо сказать, и это много. Вампиры, как Майкл уже убедился, даже когда сами того не хотят, все равно излучают то, что в девятнадцатом веке называлось магнетизмом. Привлекают, пугают, подавляют, восхищают – вызывают самые разные чувства, но уж точно не остаются незамеченными. Если не прилагают к этому специальных усилий.

Ларкин собирался приложить усилия. Он собирался

очень постараться.

И он должен был сделать еще кое-что, прежде чем они войдут в библиотеку и начнут определяться с дислокацией.

Майкл снова, как сегодня утром, открыл дверцу машины для Райи. На сей раз она обошлась без комментариев, только улыбнулась, когда он подал ей руку, чтобы помочь выйти.

А Ларкин не улыбался. Стал таким серьезным, каким Майкл не видел его даже в ту ночь второго февраля, когда Ларкин убил его, расчленил и воскресил... Нет – поднял. Поднял из мертвых. Ратун собирался использовать один из своих дайнов, не самый опасный, не самый сложный, но имеющий – по его мнению – самые непредсказуемые последствия. Майкл-то знал, что никаких последствий не будет, знал, что любит Ларкина по-настоящему, как никого и никогда не любил, и никакие дайны этого не отменяют, даже ди-азия не отменит, когда ее, наконец, получится раздобыть. Но это он знал изнутри своего разума и своих чувств. А Ларкин в его разум заглянуть не мог, чувства же трактовал, увы, с большими погрешностями.

– Микель, – начал он мягко, – ты уже знаешь, что я должен сделать. Ты подготовился?

Майкл подавил естественный порыв закатить глаза и просто кивнул:

– Подготовился. Не беспокойся ты так, всё нормально будет.

– Ты станешь менее вежлив в отношении Райи, – напом-

нил Ларкин то, о чем Майкл за эти два месяца слышал не меньше дюжины раз, – менее почитителен в отношении меня и полностью утратишь остатки привязанности к Уильяму Сплиттеру. Это необходимо, чтобы ты...

Это необходимо, чтобы он не сомневался, передавая Занозу под контроль Ларкина, подставляя под огонь Райи. Дайн, ослабляющий эмоциональную связь, сложный в использовании, требующий подготовки. Ларкин предупреждал о том, что применит его, еще когда операция была спланирована в самых общих чертах, повторял предупреждения с регулярностью, достойной лучшего применения, и вот опять...

– Я помню, – нетерпеливо произнес Майкл. – Давай.

Он был готов. Он начал готовиться к применению этого дайна еще после первого упоминания о нем.

Ларкин взял его за руку, посмотрел в глаза, заговорил на латыни – красивой, чеканной, звонкой. Мало подходящей для заклинаний, по мнению Райи, но на неискушенный слух как будто именно для них и созданной.

И как только дайн начал действовать, как только Майкл понял, что может это сделать – может поступить так со своим ратуном – он заиклился, сосредоточенного на чтении заклинания. Тут же переключился на Райю. Помнил, что в экстренной ситуации, а сейчас была именно такая, у него нет и пятнадцати секунд, поэтому очень спешил. Пробил ее сердце тонкой, длинной булавкой для шляп. Вонзил такую же в сердце Ларкина. Оба вампира остались стоять, парализован-

ные, неподвижные, но с виду неотличимые от живых. Майкл был рад отсутствию свидетелей, но, как он и рассчитывал, со стороны они трое не вызывали никаких подозрений.

Он прислонил ратуна и сестру к машине, чтоб, все-таки, не упали. Лейкопластырем как следует закрепил булавочные головки.

Вот теперь свидетели точно были не нужны... Майкл очень внимательно прислушался, убедился, что к ним не подъезжает ни один автомобиль, открыл багажник и аккуратно, со всем уважением, уложил туда Ларкина и Райю. Постарался устроить обоих поудобнее, хоть им и было без разницы.

– Я всё объясню, – пообещал он. – Я вас люблю, честное слово.

И закрыл багажник.

Объяснять ничего не понадобится, они сами поймут, почему он так поступил. Но сейчас надо было что-то сказать. Они же все слышат.

* * *

На языке Хасана «провести разведку и «осмотреться» означало комплекс мероприятий по обеспечению безопасности Занозы, в одиночку отправлявшегося в змеиное гнездо. То, что гнездо было библиотекой – что может быть скучнее и тише библиотеки? – усугубляло ситуацию и требовало еще более серьезного подхода, чем обычно.

Заноза не сказал бы, что после смерти Майкла Турок стал больше внимания уделять сохранению его физической целостности, но что-то... немного изменилось. Вроде бы, осталось как раньше, а, вроде, и не совсем.

В новруз, который Хасан считал праздником языческим и вообще не праздником, а чистой бесовщиной, и который, тем не менее, отмечали все Слуги-мусульмане, Мухтар украл у кого-то большой пакет с чипсами, притащил в Северную гостиную и радостно носился там, мотая башкой, радуясь тому, как хрустит и шуршит упаковка. Когда пакет порвался и чипсы начали разлетаться во все стороны, счастье пса стало полным, и он от восторга разразился лаем таким громким, что Заноза с Хасаном оба примчались посмотреть, что происходит.

Убедились, что ничего сверх обычных разрушений, учиняемых Мухтаром в хорошем настроении и без присмотра, и собрались уже возвращаться к празднующим, когда в гостиную въехал робот-пылесос. Его Франсуа отправил. Франсуа давно знал, что, если Мухтар чему-то громко радуется, без пылесоса не обойтись.

Робот прошмыгнул за спиной у Турка, и Заноза только глаза вытаращил, когда у Хасана в руках оказался пистолет.

Тихое, незлое слово, которое произнес Хасан, убирая оружие обратно в кобуру, и то поразило его меньше. Это при том, что в его присутствии Турок никогда не прибегал к нецензурщине.

– Ты-ы... – протянул Заноза, отказываясь поверить фактам без словесного подтверждения, – носишь дома оружие? Дома?

Он свои «гюрзы» убирал в сейф сразу по приходу. Дом – это дом. Здесь безопасно. Они всё для этого сделали.

Хасан на него посмотрел... он редко так смотрел. Словно бы с сожалением. Не в том смысле, что Заноза безнадежно туп, а Хасан с этим смирился и лишь иногда спрашивает Аллаха, за что наказан напарником-идиотом – так он как раз смотрел довольно часто. Нет, это был такой взгляд, как будто он собирается выбросить в мусор лимитную фигурку Бэтмена или отправить в печь все комиксы за последние полгода.

– Пойдем, – сказал Турок. – Посмотришь.

И Заноза посмотрел. В их доме, большом, удобном, красивом, безопасном доме оружие было повсюду. Хасан распределил тайники с дробовиками, автоматическими винтовками, пистолетами, запасом патронов в полном соответствии со всеми возможными схемами проникновения в дом вооруженных людей или нелюдей. В полном соответствии с тактическими схемами отступления, обороны или контратаки. Оружие – на двоих. Боеприпасы – на двоих. Он не рассчитывал на Слуг, которые дежурили в «Февральской луне» круглосуточно, а в праздники, как сегодня, вообще собирались все, кто был свободен от вахты. Полагался только на себя и Занозу.

Он разве что на случай ядерного удара ничего не подго-

товил. Но об этом как раз Заноза думал, еще когда планировал строительство «Февральской луны», поэтому дом большей частью был размещен внутри монолитной скалы. Хотя, конечно, с учетом здешней сейсмической обстановки, полагаться на прочность скал можно было не больше, чем на боеготовность Слуг. Ни скалы, ни Слуги никогда не подводили, но это лишь означает, что они никогда не оказывались в ситуациях, превосходящих их возможности.

Заноза понял, что начал рассуждать, как Хасан, и немного по этому поводу загордился, а немного расстроился. Он понял, о чем сожалел его Турок, и почему не показывал ему тайники с оружием раньше. Хасану нравились его иллюзии. Не все, но многие. «Мой дом – моя крепость» была одной из них, и с ней не хотелось расставаться.

Заноза и не стал.

«Февральская луна» оставалась их домом, в ней было безопасно, они всё для этого сделали, и Хасан лишь в очередной раз это подтвердил.

Так что, нет смерть Майкла ничего в их отношениях не изменила.

За исключением того, что Хасан уделит немножко больше внимания тому, чтобы с ними никогда не случилось ничего окончательного.

Вот и в Архиве Квентера результатом разведки стала, помимо прочего, установка скрытых видеокамер там, где они

были действительно нужны. Там, где Хасан разместил бы их, если б был владельцем библиотеки и хотел, чтоб она оставалась действительно тихим и скучным местом. Кроме того, Арни подключился к серверу, куда поступали данные с камер, установленных настоящим владельцем. На время аукциона сервер лишь обрабатывал входной видеопоток, не ведя запись, однако на ноутбук Арни ограничение не распространялось. Когда готовишься к встрече со сверхъестественными тварями, просмотр видео в реальном времени бесполезен – ты увидишь только то, что твари готовы тебе показать. Иное дело – запись. Обманывать электронику ни феири, ни колдуны, ни вампиры еще не научились. Это умели только Эшива и Джейкоб, уверенные, что творят реальность в нереальном мире. Чтобы защититься от всех других иллюзий, достаточно было просматривать видеозапись с задержкой в доли секунды. Почти то же самое, что в реальном времени, а какой эффект!

Хольгера так ловили. И поймали. Несмотря на все попытки спрятаться в «Туман».

Если б также можно было обходить иллюзии, которые Ларкин наводит в своем убежище, Заноза давно слетал бы в Рим и выбил из ублюдка перстень, а заодно и всё дерьмо. Но нет. Увы. Ты можешь видеть на экране смартфона, что перед тобой лестница или дверь, можешь точно знать, что перед тобой лестница или дверь, но если они спрятаны за иллюзией стены, ты упруешься в эту стену. Мороки Ларкина – колдов-

ские, настоящие. Совсем не те, какими балуются мертвяки, вроде сеньора Виго, неаполитанского коллекционера-любителя, а ведь даже из дома Виго выбраться удалось с трудом. И не через дверь, а сквозь стену. Настоящую стену. Цыганская магия, вот что это такое. Хоть Эшива и говорила, что, во-первых, никакая это не магия, а, во-вторых, дайки Ларкина и других колдунов, владеющих иллюзиями, не имеют ничего общего с ее искусством.

Ну, да, конечно! Как бы она разрушала чужие иллюзии, если б они не были сродни ее собственным?

В планах было выйти через портал к арендованной машине, доехать до Архива Квентера и купить перстень. Вернуться в Вегас, встретиться там с Мартином и до утра ни в чем себе не отказывать, а утром – в Италии как раз наступит вечер – смотаться к Литосу. Порадовать старика. Если в библиотеке случатся сверхъестественные разборки, прикончить всех, кто на это напросится и допросить тех, кто окажется готов к диалогу. Ну... в общих чертах.

Арни следил и за помещениями Архива, и за автостоянкой, поэтому о любых неожиданностях предупредил бы вовремя. А неожиданности, о которых ты предупрежден, становятся ожидаемой частью плана.

Заноза думал об этом, сидя у фонтана во дворе цыганского вагенбурга. Эшива даже не вышла его встретить – выбирала, что надеть. У нее полмесяца было на подготовку, но

она так и не определилась с нарядами. На одну-единственную ночь...

Понятно, что нельзя было явиться в одном и том же костюме и на аукцион, и в... хм... куда там Эшива собиралась в Вегасе? Точно не в казино, но как бы она ни планировала продолжить вечер, ей понадобится переодеться. Но, madre, почему нельзя взять любое нарядное платье? Закрыть глаза, войти в гардероб и выбрать то, во что первым упрешься носом. Эшива владеет иллюзиями, разве нет? Хуже того, Эшива владеет иллюзиями, которые считает реальностью. Зачем ей вообще, гардероб?

В этот момент Арни и вышел на связь. По рации, не по телефону. Значит, дело экстренное. Без разборок не обойдется.

– На парковке перед Архивом Квентера парень, точь-в-точь похожий на Майкла Атли, только что отправил двух вампиров в мертвецкий паралич, – сообщил Арни. – Сунул их в багажник. Сейчас он в библиотеке.

Первым делом Арни, естественно, связался с Хасаном, уж правила-то он знал, хоть и пытался быть раздолбаем. Это Турок приказал ему воспользоваться рацией, а значит, сейчас он был на связи.

Заноза нашел в сети первую попавшуюся фотографию Майкла и забарабанил в дверь трейлера-гардероба. Та мгновенно распахнулась. Эшива, храни ее все языческие боги, отлично понимала, когда можно тянуть время, а когда нужно

всё бросать и браться за дело.

– Этот парень? – Заноза показал ей смартфон с фотографией.

– Да. Что-то случилось?

– Да.

Ее шелковый шитый золотым по алому халат превратился в шелковый же брючный костюм глубокого синего цвета. Эшива, не выбирая, схватила с заставленных обувью полок черные туфли на низком каблуке. Откуда-то сверху вытащила бронезилет.

– Я без оружия, – предупредила она.

– Да уж переживем как-нибудь.

Арни вклинился с сообщением, что передает данные с видеокамер на кундарб Занозы. Кундарб вместо ноутбука или планшета был для крайних случаев. Когда опасностью спалиться на использовании внеземных технологий стоило пренебречь ради эффективности.

– Охранник его не заметил, – доложил Арни, – уткнулся в планшет со списком гостей, когда Майкл мимо проходил, и минуты две не отрывался. Ничего вокруг не видел. Не знаю, что это за дайны. На «Туман» не похоже – под «Туманом» вас просто не замечают.

– Похоже на «Сосредоточение», – произнес Хасан. – Арни, почему ты думаешь, что это дайны?

– А кем он может быть, кроме вампира? Вы же видели, что от него осталось. С этим не живут... то есть, без этого...

– Арни кашлянул. – Простите, босс.

Извиняться было не за что. Хасан наверняка, пришел к тому же выводу сразу после первого рапорта о Майкле. Но Арни наблюдал за происходящим своими глазами и мог увидеть что-то, однозначно подтверждающее – Майкл стал упырем.

Майкл, тем временем, миновал читальный зал и вошел в запасники библиотеки. До предпринятой Турком «разведки» там, среди уходящих под потолок пронумерованных стеллажей с книгами, папками и коробками, можно было укрыться от видеокамер – контролировались только двери. Сейчас же парень был как на ладони. Он уселся на стул в проходе между полками, включил планшет. Что на экране Заноза не видел, но мог поклясться – Майкл следит за входом в Архив Квентера и в запасники.

Ждет. Понятно, кого.

Дело из обычного стало... семейным. Во всех, мать его, смыслах. Изменившиеся обстоятельства требовали срочного изменения планов. Эшива не была семьей и ничего не знала о Майкле. Эшиве нельзя было в библиотеку. Мартин о Майкле знал. Мартин был семьей Занозы, но Хасану он был чужим. Ему в библиотеку тоже было не надо. Хорошо, что он и не собирался.

– Выйдешь сюда, – Заноза активировал второй экран, развернул на нем карту и показал Эшиве точку выхода из портала.

Музей в отеле «Эль Рей». Выставка современного витражного искусства. Мартин разрешил использовать в экспозиции витражи, сделанные им для Доуза, и раз уж случилось оказия, заглянул на выставку сам. Заноза бы тоже хотел посмотреть, но ему полагалось ждать, пока витражи будут установлены в замке, поэтому встречу после аукциона пришлось запланировать не на выставке, а в баре «Эль Рей». Сейчас Мартин, скорее всего, давал какое-нибудь культурное интервью какому-нибудь культурному телеканалу, и он обеими руками ухватится за возможность вовлечь в это Эшиву. Мартин ее, во-первых, нежно любит, во-вторых, глубоко уважает, в-третьих, преклоняется перед ее способностью самое формальное мероприятие превратить в шоу с огнями и фанфарами.

– Это не библиотека, – Эшива подняла бровь. – Это чертов музей.

Вместо строгого брючного костюма на ней было струящееся, переливающееся всеми оттенками зеленого, длинное платье, оттенявшее яркую зелень глаз.

– Это ничего, что у Мартина глаза того же цвета? – уточнил Заноза. – А то вдруг окажется, что это смертельное оскорбление и ты его навсегда возненавидишь?

– Когда мне начинает казаться, что ты немножко понимаешь женщин, ты тут же разрушаешь эту иллюзию. Надеюсь, в музее мне бронезилет не понадобится?

На аукционе он был необходим. Но рядом с Мартином

Эшиве и правда нечего было опасаться.

– Уже хорошо, – она уронила бронежилет под ноги. – И когда же ты скажешь мне, кто этот юноша?

– Скорее всего, никогда.

Индианка закатила глаза и в круг портала шагнула с выражением крайнего неудовольствия на лице. Такого же ненастоящего, как ее платье, но такого же убедительного.

* * *

Услышав за спиной негромкое:

– Привет! – произнесенное знакомым голосом со знакомым британским акцентом, Майкл подпрыгнул, выронил планшет, подхватил его уже у самого пола, обернулся, лихорадочно соображая, как обеспечить себе свободу маневра, если...

Если что? Это же Заноза. И... мистер Намик-Карасар? А где Эшива? Что происходит? Всё должно было быть не так.

Майкл ничего не знал о дайнах, позволяющих ходить сквозь стены. О проклятии, лишившем вампиров тени и отражения он, разумеется слышал, но, как любой нормальный человек, поверить в такой бред не мог. Однако эти двое каким-то образом прошли мимо видеокамер незамеченными. В здание библиотеки они, возможно, проникли через какой-то из ходов, не отмеченных на плане, но в запасники вела одна-единственная дверь.

И они в эту дверь не входили.

– Добрый вечер, Майкл, – сказал мистер Намик-Карасар. – Расскажешь нам, кто дал тебе афат и почему?

– И про перстень Иттени, – добавил Заноза, оглядываясь с обманчиво-рассеянным видом, – Эшива видела во сне, как ты отдаешь мне перстень в помещении, где полно книг. По описанию подходит.

Эшива должна была видеть во сне совсем другое. Майкл чуть не сказал об этом, но вовремя прикусил язык. Если бы не заклинание, наложенное Ларкином, ослабляющее эмоциональную зависимость, обязательно проболтался бы. Даже сквозь заклинание он чувствовал симпатию к Занозе. И то, что тот был младше него, был ровесником тому Майклу Атли, который четыре года назад привез в «Турецкую крепость» два оунту, почему-то усиливало расположение. Хотя должно бы быть наоборот. Надо бы помнить, что внешность старшеклассника принадлежит столетнему кровожадному и жесткому убийце. Надо бы помнить, что Занозу не зря называют Бешеным Псом.

Как об этом помнить, если Майкл никогда в это не верил?

В смысле, в прозвище – да. В убийства – тоже. В кровожадность и жестокость – никак, хоть дерись.

Но Эшива не должна была видеть его в наведенном сне. Она вообще никого не должна была видеть, чтобы не могла рассказать, описать внешность, заподозрить неладное. В снах, которые сконструировал Майкл, Эшиве являлся перстень и здание Архива Квентера снаружи и изнутри. Картин-

ка дополнялась аудио-потокком с данными о местонахождении Архива и датой проведения аукциона. Дату Майкл для убедительности привязал к лунному календарю.

Мог бы не заморачиваться. Эшива их с Ларкином сны даже смотреть не стала. Предпочла другой канал.

– Мистер Намик-Карасар, садитесь, пожалуйста, – Майкл отошел от стула, – у меня... я готовился... Я принес перстень, – он взглянул на Занозу. – Но сначала объяснения, да?

– Раз уж ты готовился, – мистер Намик-Карасар даже не улыбнулся. И садиться не стал. Зато Заноза просиял улыбкой, которой хватило бы на троих. Взял стул и уселся верхом.

– Давай, – он кивнул, – рассказывай. По бумажке будешь или так, на память?

Как будто сам не учил, что импровизации тем лучше, чем больше внимания уделяешь их подготовке.

О том, как именно он получил афат, Майкл рассказал быстро и, вроде бы, достаточно ясно. Наверное, слишком ясно и слишком быстро. Эмпатии у него было всего ничего, но холодную жуть, которой повеяло от мистера Намик-Карасара, он почувствовал костями и кожей. И поднял руки с планшетом, пытаясь остановить нечто, чему и определения-то дать не мог, но что, определенно, не собиралось останавливаться. От всплывшего в сознании слова «фатум» лучше не стало. Наоборот. Не бывает ситуаций, которые стали бы лучше от того, что «фатум» для их описания оказался

самым подходящим словом.

А дальше... дальше нужно было объяснить, почему Ларкин вовсе не такой плохой, каким мог показаться после рассказа об уничтожении госпиталя и о том, что он счел несколько десятков жизней приемлемой ценой за возможность утаить афат. Нужно было объяснить, что он ошибся, ужасно ошибся, чудовищно, но преследуя при этом благие цели. И объяснить все это нужно было, забыв о своей безусловной и нерассуждающей любви к нему, потому что любовь не была аргументом, хуже того, здесь и сейчас она бы всё только испортила.

Ларкин отчасти облегчил Майклу задачу, применив свой убивающий привязанности дайн, но одновременно и усложнил ее, потому что аргументы-то Майкл продумывал под куда более сильным влиянием связи с ратуном. А сейчас, когда связь ослабла, боялся увидеть их несостоятельность.

Мистер Намик-Карасар и Заноза выслушали его молча. Внимательно.

И очень скучно.

Заноза говорил, что мистер Намик-Карасар порой бывает скучным. Подразумевал он при этом совсем не то, что обычно вкладывают в понятие «скука», не то, что мистер Намик-Карасар может быть неинтересен – Заноза, как успел понять Майкл, даже вообразить такого не смог бы. Нет, речь шла о том, что мистер Намик-Карасар иногда становится неотвратимо равнодушен к любым аргументам, расходя-

щимся с его представлениями о правильной поступке. Теперь Майкл увидел, как это бывает. Увидел во взгляде черных глаз холодную скуку надгробного камня. К этому он готов не был. И, тем более, не был готов к тому, что точно так же, с тем же отсутствием понимания, с полным нежеланием понимать, на него будет смотреть Заноза.

Однако они ни разу не перебили его. До самого конца. До точки в конце последнего предложения.

– Ты принес перстень и хочешь получить гемокатарсис, – подытожил Заноза.

Из его интонаций как-то само по себе стало ясно, что он понял – Майкл не собирается менять перстень на очищающее кровь зелье. Перстень – просто краденая вещь, которую нужно вернуть владельцу и снять с Ларкина хотя бы один грех. А диазия... гемокатарсис – это то, в чем Майкл нуждается сейчас сильнее всего. Чтобы защитить ратуна, ему нужны ясный разум и чистые чувства.

– Ларкин – твой, – произнес мистер Намик-Карасар. – Ты его обезвредил и захватил, тебе и решать его судьбу.

Майкл, готовый к бою, к схватке за жизнь ратуна, лихорадочно ищущий новые аргументы в его защиту, только моргнул. Что? Вот так просто? Убийца Вампиров, воплощение справедливости, отдал ему Ларкина и... всё?

Заноза снизу-вверх бросил на мистера Намик-Карасара тревожный взгляд.

– Может, тогда, обойдешься без гемокатарсиса? – спросил

он у Майкла совсем другим тоном, чем минуту назад.

– Почему? Зачем? В смысле... почему?

Вообще все шло не так, как он ожидал. Он-то думал, что Заноза, анархист, бунтарь, яростный ненавистник всех и всяческих эмоциональных уз, кроме истинной и искренней привязанности, будет только рад, если Майкл очистит кровь от мертвецких чар.

– Когда ты разорвешь связь, ты поймешь, что Ларкина нужно уничтожить, – Заноза поморщился. – Ты это поймешь так же ясно, как понимаем мы, но почувствуешь куда сильнее. Это... неприятно.

Мистер Намик-Карасар коснулся ладонью его белых, чуть выющихся волос.

– Это очень болезненно, – перевел он с британского английского на понятный Майклу американский. – Кроме того, ты предпринял много усилий, чтобы спасти Ларкина, ты действовал разумно и эффективно...

– И весьма коварно, – хмыкнул Заноза.

Майклу показалось – или нет? – что мистер Намик-Карасар мимолетно улыбнулся.

– Будет жаль, если твои старания пропадут втуне, – подытожил тот.

Майкл не поверил им. Он перестанет любить Ларкина? Захочет убить его? Это невозможно, это... да просто противоестественно. Так же нелепо и дико, как... ну... как если бы он стал мучать котят или... намеренно переехал на машине

енота. Ну, да, сравнения так себе, но и перспективы тоже... нелепые.

Они не лгали, ясное дело, просто ошибались. Оба так давно остались без ратунов, что уже просто не помнили, как любили сами. Забыли, что кровавая связь – лишь причина зарождения любви, но не сама любовь. А, может быть, они об этом никогда и не знали.

ЭПИЛОГ

Ненормально холодное лето здесь называли непривычно теплым. Шестьдесят градусов, а иногда даже семьдесят¹². Несусветная жара! И дождь всего лишь через день. Практически засуха.

В июле Майкл начал привыкать, в августе смирился, в сентябре поверил, что так оно и есть и стал готовиться к зиме. Она ожидалась примерно такой же. Около шестидесяти градусов и вечный дождь. Если он смог привыкнуть к лету без тепла, привыкнет и к зиме без снега.

Если он смог привыкнуть...

В этом он не был уверен.

Диазия в полной мере показала, насколько он не человек. Насколько они все – не люди. Жизнь в убежище Ларкина не давала в этом убедиться, ведь из-за кровавой связи, из-за колдовской любви к ратуну, Майкл все происходящее с ним и вокруг него воспринимал, как благовую данность. Радовался

¹² 16С – 20С

каждой новой ночи, даже каждому новому дню, хоть и проводил дни во сне, похожем на смерть.

Диазия изменила всё. И это действительно оказалось очень больно. А еще страшно.

Князь Иттени ввел зелье в кровь девушки из своего Стада, Виктории Кере, студентки-химика... Не надо было Майклу знать ее имя, не надо было знать, кто она, но он зачем-то спросил. Она тряслась от страха – любая ошибка в рецепте убила бы ее на месте – но была преисполнена энтузиазма. Ей самой очень хотелось увидеть, как работает настоящая магия – та, которую можно объяснить и понять.

Любая ошибка была смертельна. Хуже того, привязанность Майкла к Ларкину могла оказаться слишком сильной, и тогда Виктория умерла бы, даже если само зелье было приготовлено безупречно. Что ж, князь Иттени свое дело знал в совершенстве, а любовь най к ратуну оказалась от совершенства далека.

Ларкин сгорел в мусорной печи еще в начале мая, а Майкл до сих пор помнил ужас Виктории. Чувство вины перед ней, несмотря на то, что все прошло благополучно, затмевало ненависть к ратуну. В равной степени он винил себя и за то, что она боялась, и за то, как она хотела помочь. Для этой девчонки – его ровесницы – человека, не вампира, не ведьмы, не фейри, было очевидно то, чего сам он не мог понять, пока не выпил зелье из ее вен: насильственную связь ратуна и най нужно рвать любой ценой.

Настоящий афат – всегда добровольный. И настоящие чувства между най и ратуном... они настоящие, что тут еще сказать.

Райя простила его за мертвый паралич. Сказала, что пара суток в багажнике – невысокая цена за освобождение от кровавых уз. Тем более, что Майкл положил ее поверх Ларкина, все-таки, дама. Кое-каких понятий об обхождении с женщинами он в Европе, действительно, набрался. Остальным и прощать было нечего. В один прекрасный миг они осознали себя свободными от противоестественной связи, и никто ни на секунду не захотел вернуть прежние времена.

Если б Ларкин хоть кому-то дал афат, как нормальный вампир – по договоренности, с объяснением всех плюсов и минусов, с правом выбора, этот кто-то, может, и скучал бы по нему. Но Ларкин умел договариваться лишь с равными. Живых же за ровню не считал, даже когда сам был человеком.

К най он относился совсем иначе, чем к людям. Искренне ценил их таланты, с удовольствием учил всему, что знал сам, и как настоящий отец гордился их успехами. Это его и подвело. Если бы он не держался с ними, как с ровней, как с собственными взрослыми детьми, если бы не пытался объяснять, вместо того, чтобы приказывать, Майклу в голову не пришло бы, что ратун может ошибаться, он и не подумал бы, что ратуна нужно спасать, и никогда бы не вообразил, что любит Ларкина по-настоящему.

Майкл поддерживал связь с Мауро, тот, в свою очередь, все больше сближался с Арни и Занозой. Остальные члены семьи время от времени давали о себе знать, но не чаще, чем это делали бы родственники-люди. Пару раз в неделю выйти в скайп, рассказать новости, поинтересоваться, как дела. И людям, и вампирам этого вполне достаточно.

Хорошо, что они были. Без них тоска по настоящей семье, по родителям, по дому стала бы мучительной.

Мистер Намик-Карасар объяснил, что любой вампир в первую очередь стремится вернуться к оставшимся в живых близким. Эта тяга пробуждается даже у тех, кто задолго до смерти покинул семью и разорвал все связи. Присутствие ратуна смягчает зов живой крови, но не заглушает совсем. Однако время лечит. Да и живые в конце концов умирают.

От того, что всем другим было когда-то так же плохо и больно, как ему, легче не стало, но понимание, что непреодолимое, почти невыносимое желание увидеть родителей и братьев – часть естественного процесса, период болезни, который нужно просто переждать, немного помогло. Майкл ждал. Ожидание могло затянуться на десятки лет, однако это ведь означало, что его любимые люди все эти десятки лет будут живы и, хотелось верить, что счастливы. Перестанут печалиться о нем. Будут ухаживать за пустой могилой в парке без особой грусти. Кто-нибудь из братьев назовет в честь него своего сына. Так обычно и бывает, когда умираешь по-

настоящему. А он умер по-настоящему.

В конце мая Заноза позвал его в Англию. В свое поместье Доуз. «Погостить на пару лет». И вот оно – ненормально холодное (непривычно теплое) лето. Вечные дожди. Ожидание такой же зимы. С вечера до утра работа – оказалось, что Майкл действительно нужен в «Турецкой крепости», пусть пока и не в качестве оперативника с медицинским образованием, а как подающий надежды профайлер. Еще в замке был лев Лео, который не боялся вампиров, были лошади. Одну из них, гнедую чистокровную Харику, Заноза объездил для мистера Намик-Карасара, приучил к другим вампирам – его-то самого животные любили до потери инстинкта самосохранения – и отдал Майклу в безраздельное пользование. На псарне жили собаки, которые обожали Занозу и Мартина, а Майкла обходили десятой дорогой. Но и пес у него был свой – Эмин, сын Мухтара и Ириски, ирландского волкодава, любимицы всего замка и лучшей подруги Лео. Трехмесячный Эмин пока больше походил на мохнатый шарик, чем на собаку; бегал, потешно переваливаясь с боку на бок; и хотя он еще не освоил искусство делать умильные и жалобные глаза, Майкл не мог собраться с духом и отучить щенка спать с ним в одной постели.

– Он вырастет больше тебя, – предупреждал Заноза. – Рано или поздно вам придется выяснять, кто должен спать на полу.

Когда-нибудь, обязательно.

А подлинные хозяева замка – мистер и миссис Томпсоны, дворецкий и экономка в каком-то несчитанном поколении – они... Как-то так получилось... Нет, Майкл даже не пытался понять, не надо было понимать, это он понимал, потому и не пытался. Они совсем не походили на его родителей. Они настолько не походили на его родителей, насколько люди, вообще, могут не походить друг на друга. Но он приехал в Доз, пожил там пару недель, и... тоска по семье стала проходить. Если б Майкл был сиротой, в смысле, с самого детства, а Томпсоны, усыновили и вырастили его, он бы, наверное, относился к ним так, как сейчас. А они – к нему.

За полгода жизни в замке Майкл понял, что эти двое пожилых людей с одинаковой любовью относятся и к своему родному сыну Джеймсу, и к своей невестке Полли, и к нему самому, и к даже Занозе с Мартином, хотя последние были детишками до того беспокойными, что Майкл бы на месте Томпсонов предпочел сунуть их ногами в таз с цементом и сбросить с обрыва Дугварта. Прямоком в грот Спэйта, откуда род Занозы, вроде бы, вел свое происхождение.

Что море дало, то море взяло, и весь разговор.

«Путь в Дамаск», неизбежный с того момента, как Майкл твердо решил стать частью «Турецкой крепости», должен был сложиться иначе. Без смертей. Без его собственной гибели. Без потери дорогих ему людей, друзей, всей человече-

ской жизни.

Понимал ли он это? Еще бы!

Жалел о потерях? Да. Всем сердцем.

Хотел бы прийти к нынешней жизни другим путем, тем, которым пришел бы к ней без вмешательства Ларкина?

Заноза однажды спросил об этом. И Майкл даже не задумался над ответом. Нет, не хотел бы. Всё случилось не так, как должно было, но раз случилось именно так, значит, так и должно было.

– Блин, – Заноза яростно сверкнул глазами. – Это что, иншалла в прошедшем времени?!¹³

– Видимо, да. – Майкл не понял столь бурной реакции.

Заноза выругался на нескольких языках, используя, надо отдать ему должное, разные выражения, несущие разную смысловую нагрузку.

– Еще один турок на мою голову, – прошипел он, возвращаясь к английскому. – Знаешь, что? Если ты когда-нибудь почувешь хотя бы тень сомнения в том, что всё новое однозначно лучше всего старого, тут же дай мне знать. Вас, турков, надо приучать к прогрессу, пока маленькие.

¹³ Выражение «Иншалла» (если на то будет воля Аллаха) всегда употребляется применительно к событиям будущего.